

БАРИЕ БАЛА

Я И ОДИНОКИЙ ГОЛУБЬ

БАРИЕ БАЛА

Я И ОДИНОКИЙ ГОЛУБЬ

*(Повести, воспоминания, пьеса,
образцы курдского фольклора,
стихотворения)*

Перевод с курдского

Ереван ВМВ-Принт

2014

УДК 891.57-8 Бала : 398
ББК 84 Курд + 82
Б 200

Составитель и перевод прозы – Нуре САРДАРЯН (Нура Амарик)

Перевод стихотворений – Марина СТУКАЛИНА

Редактор и корректор – Заре САРДАРЯН (Зара Амарик)

Бала Барие
Б 200 Я и одинокий голубь/ Барие Бала.- Ер.: ВМВ-Принт,
2014.- 192 с.

Это первый сборник произведений Барие Бала, переведенных на русский язык. В него включены воспоминания об известных курдских личностях, философские сказания из курдского фольклора, новые стихотворения и одна из пьес. В повестях затронута тема Великой Отечественной войны, раскрываются тонкости психологического состояния героев.

Курдский поэт, писатель и драматург Барие Бала является автором шести сборников на курдском языке: «Мой мир» (Ереван, 1974), «Куда идти» (Баку, 1994), «Моя Дилбар» (Бишкек, 2008), «Мать» (Бишкек, 2009), «Незавядшие цветы» (Бишкек, 2011) и «Десять событий» (Бишкек, 2012).

УДК 891.57-8 Бала : 398
ББК 84 Курд + 82

ISBN 978-9939-60-227-1

© Барие Бала, 2014

ОБ АВТОРЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

Курдский поэт, писатель, драматург и общественный деятель Барие Бала (Балаев Баро Алиевич) родился в 1937 году в селе Демирчи Масисского района Армении в простой курдской семье. Его отец Алие Пашае Мго, участник Великой Отечественной войны, в 1943 году погиб на фронте. Мать Каза Авдое Бшо одна подняла и вырастила восьмерых детей: семь сыновей и одну дочь.

После окончания в 1958 году средней школы Барие Бала в тот же год поступил в Армянский педагогический институт им.Х.Абовяна и стал студентом азербайджанского отделения историко-филологического факультета. После окончания института в 1963 году Б.Бала несколько лет проработал учителем в средней школе, а затем инструктором азербайджанского и курдского языков и литературы в министерстве просвещения Армении. На протяжении долгого времени он был директором одного из совхозов в Масисском районе Армении и сделал многое для развития и процветания вверенного ему хозяйства.

В 1989 году, во время войны за Нагорный Карабах семья Б.Бала вместе со многими курдами-мусульманами покинула Армению и переехала в Азербайджан. Там, в Баку, Барие Бала до самого своего выхода на пенсию (в 1998 году) работал в РОНО инструктором средних школ. В последующем Б.Бала вместе с семьей переезжает в Казахстан, в город Алма-Ату, где живет до сих пор и активно занимается общественной деятельностью – он является председателем старейшин курдской общины в Казахстане. Однако еще до того, как семья обосновалась в бывшей столице Казахстана, уходит из жизни его супруга Дилбар – племянница (дочь брата) известного курдского поэта, ученого и общественного деятеля Вазире Надри. Ее смерть Бари перенес очень тяжело и до сегодняшнего дня не может без огромной душевной боли вспоминать свою покойную жену. И не случайно, что он посвятил ей не только много своих стихов, но и целую книгу. Она так и названа – «Моя Дилбар» (2008).

Б.Бала начал писать стихи еще будучи школьником. В этой связи интересен его небольшой рассказ-воспоминание «По чьей «вине» я стал поэтом», с которым читатели могут ознакомиться в этой книге.

Его первое стихотворение “Dayka tîp” («Моя мама») было опубликовано в газете «Рйа таза» в 1957 году. В последующем стихотворения поэта стали публиковаться не только в этой газете, но и в “Dengê kurd”, “Jîyana kurd”, а также передаваться по радио на курдском, русском, азербайджанском и армянском языках.

Первая книга Барие Бала “Dînya tîp” («Мой мир») вышла в свет в 1974 году в Ереване. Второй его сборник

был издан уже в Баку, в 1994 году, и назывался “Kuda herim” («Куда идти»). В последние годы с небольшим интервалом выходят другие его книги: “Dîlbera min” («Моя Дилбар», 2008), “Dayîk” («Мать», 2009), “Kulîlkên neç’ilmisî” («Незавядшие цветы», 2011) и “Deh bûyer” («Десять событий», 2012). Следует отметить, что все четыре последних сборника выпустило в свет курдское издательство в Бишкеке (Киргизия) «Зангезур». Кроме того, одна книга стихов Б.Бала опубликована в Дохуке (Южном Курдистане).

Темы стихотворений и поэм Барие Бала очень разные, но основными среди них являются патриотизм, тема матери, философские размышления о сущности человеческого бытия и, конечно, любовь и верность. В особенности убедительны стихи, посвященные покойной жене: полные глубокого чувства и горечи потери, они не могут оставить читателя равнодушным и порождают ощущение того, насколько тяжело перенес поэт эту утрату.

Особое место в творчестве Б.Бала занимают стихи для детей. Они лаконичны, гармонично соответствуют детскому мышлению, имеют выдержанный ритм и легко запоминаются. Такие стихотворения могли бы стать замечательным дополнением к материалам учебников курдского языка.

Обращает на себя внимание и жанровое разнообразие творчества Барие Бала. Наряду с поэтическими произведениями (из поэм хотелось бы упомянуть такие, как «Надо и Наре», «Казахскому народу», «Гялто», «Радуйтесь, Новруз пришел», «Моя

Дилбар», «Паша и Балгизар») Б.Бала творит также в жанре прозы. Это и повести («Мамочка Вардак и черный камень», «Деревня наша была большой», «Я и одинокий голубь» и др.), и пьесы («Салых и Гюлистан», «Сейран», «Тели и Мго»), и воспоминания («Сейда Шамил», «Добро не забывается», «О Вазире Надри» и др.).

Хотелось бы вкратце остановиться на особенностях тематики прозаических произведений Б.Бала. Прежде всего необходимо отметить значимость обращения поэта к жанру воспоминаний, поскольку именно мемуарная литература является мощным оружием, защищающим персоналии и события от забвения, и, как следствие, средством передачи важной информации от поколения к поколению. А такой подробный рассказ автора, в частности, про Шамиля Аскерова, не только ознакомит читателя с яркой фигурой курдского патриота, но и позволит узнать много важного и интересного, а также по-другому взглянуть на переплетение сложных политических процессов, протекающих в конкретном месте и в конкретное время (Закавказье, начало 1990-х годов, Карабахский конфликт и военное противостояние).

Б.Бала затрагивает также и социально значимые темы, в частности, роль и положение женщины в обществе. Помимо того, что в ряде своих произведений поэт поднимает свой голос против заключения насильственных браков, он весьма остро ставит вопрос и о необходимости получения курдской молодежью (в особенности девушками) достойного образования (пьеса «Сейран»).

И, конечно же, в прозе Барие Бала также представлена тема Великой Отечественной войны, и это естественно: как указывалось выше, отец поэта героически погиб на фронте, и все тяготы военного и послевоенного времени знакомы автору не понаслышке. Данная тема в сочетании с печальным лиризмом и передачей психологического состояния героев убедительно передана, в частности, в повести «Мамочка Вардак и черный камень».

Творчество Б.Бала отличается также дух фольклора, который ощущается, пожалуй, в каждом его произведении. Щедрое использование пословиц, поговорок, идиом, скороговорок, загадок, благословений, проклятий наряду с подробным описанием многих народных традиций и обычаев, несомненно, привлекает большой интерес. Кроме того, заслуживает внимания также и «инструмент», которым нередко пользуется Б.Бала: в конце того или иного произведения дан небольшой рассказ-пояснение, где излагаются мотивы, послужившие побудительным импульсом для написания этого произведения. Такие приемы служат созданию некоего виртуального мостика между читателем и поэтом, они, вне всякого сомнения, приближают их друг к другу и создают у читателя более полный и реалистичный портрет автора со всеми его вполне понятными и обычными человеческими качествами. А философия у Барие Бала проста и понятна, и она, словно красная нить, пронизывает все его творчество: человек должен быть добрым, благодарным, правдивым, заниматься созидательным трудом и вносить

свой посильный вклад в развитие и процветание окружающего его мира.

Нуре САРДАРЯН (Нура Амарик),
переводчик с курдского,
член Союза писателей Армении.

ПОВЕСТИ

Я И ОДИНОКИЙ ГОЛУБЬ

В то время, когда между армянами и азербайджанцами началась война за Нагорный Карабах, произошло много всяких событий, в результате которых я был вынужден оставить Армению и искать новое место жительства. После немалых тягот я, наконец, приехал в Азербайджан и обосновался с семьей в Баку.

Мы остановились в двухэтажном каменном доме, за которым был небольшой пустующий участок, куда жители близлежащих домов сбрасывали свой мусор. Терпеть такое «соседство» было невыносимо: днем донимали ужасные запахи и рой насекомых, а ночью — лай беспризорных собак, собиравшихся на этой помойке стаями. И однажды моему терпению пришел конец: я направился к соседям, с которыми пока еще не был знаком, и попросил их перестать выбрасывать мусор на ту площадку. Люди встретили меня очень доброжелательно, отнеслись к моей

просьбе с пониманием и пообещали больше этого не делать.

За короткое время я и моя супруга Дилбара Бала очистили тот участок и привели его в порядок. Я протянул вдоль его периметра металлическую сетку и поставил небольшие ворота. Рядом с домом проходила большая труба, по которой вода поступала в наш квартал, и я протянул оттуда воду к моему участку. Мы также подготовили землю для весеннего посева, и как только настало время, мы посадили несколько видов овощей, зелени, плодовых деревьев и даже самых разных цветов, радующих глаз своими яркими красками.

Известно, что весна в Баку приходит очень рано. Не успела минуть ее половина, как многое из того, что мы посадили, дало свой урожай. Особенно радовали нас распустившиеся цветы, которые выросли очень быстро и полностью закрыли под собой ту землю, которая до недавнего времени была усеяна одним только мусором и отбросами. Моя супруга очень любила цветы, и тот разноцветный ковер был наглядным результатом усилий трудов заботливой хозяйки, знающей толк в своем деле. На деревьях сначала показались почки, которые потом распустились и превратились в красивейшие цветы. Бурно расцвели и несколько рядов посаженных нами красных роз.

Однажды мы с женой сидели на диване в прихожей, как вдруг заметили в розовых кустах двух голубей. Они вели себя так, словно не видели друг друга целую вечность: то соприкасались клювиками, то вместе вышагивали туда и обратно, то грациозно склоняли друг

перед другом свои шеи и издавали при этом воркующие гортанные звуки. При этом оба голубя то и дело оглядывались назад и с опаской смотрели в нашу сторону. Я так и читал в их темных и глубоких глазах мольбу не трогать их и дать им насладиться счастьем находиться рядом друг другом...

Признаюсь, вид этих голубков оставил на меня большое впечатление и напомнил мне о далеких днях счастливой и беззаботной молодости, которая, как лента из старого кинофильма, стала прокручиваться перед моими глазами.

И я невольно полюбил эту пару голубей. В моем времяпрепровождении появилось нечто очень приятное: наблюдать за ними и любоваться красотой их отношений. Я попросил свою супругу принести им немного корма и воды в небольшой посуде, откуда им было бы легче пить. Она тотчас же исполнила мою просьбу, и именно с того дня начался отсчет нашей дружбы – между нами и парой этих прекрасных голубей. Каждый день, ранним утром мы ставили воду и корм под кустом роз, потом они прилетали, клевали раздробленное пшено, пили своими клювиками воду, иногда играли друг с другом, и было забавно наблюдать за всем этим... И так повторялось каждый день: с раннего утра до позднего вечера, пока наши голуби не возвращались на ночь к своим гнездам.

За все это время мы настолько прикипели душой и привязались к этим голубям, что без труда различали – кто из них голубь, а кто голубка. Они тоже привыкли к нам и несколько нас не боялись, и когда мы брали их в руки,

играли с ними или кормили, они спокойно давали себя поглаживать и беспечно клевали зерна в наших ладонях.

Два года подряд – весной, летом и осенью – прошли под знаком этой необычной дружбы. Настала третья весна. Хоть бы она никогда не наступала...

Снова к нам прилетели наши голуби, и снова моя добрая, заботливая и замечательная спутница жизни с радостью встретила их появление и, как подобает радушной хозяйке, делала все, чтобы угодить желанным гостям. Так прошло несколько веселых и не предвещавших ничего недоброго весенних дней. В тот вечер мы в приподнятом настроении ужинали всей семьей, как вдруг моей супруге внезапно стало плохо. Подскочившее давление не смогли спустить ни лекарства, ни вызванные врачи, и очень скоро случилось непоправимое... Мулла равнодушно исполнил свои обязанности, и в свои 47 лет она навечно покинула наш мир, оставив меня и двух наших совсем еще юных сыновей Али и Анара безутешными сиротами.

Прошло несколько тяжелых дней, полных грустных хлопот и глубокого траура. И конечно же, мне было не до голубей... Но однажды утром, когда я сидел на том диване в прихожей, взгляд мой упал на розовый куст, под которым я заметил нашего голубя... На этот раз он был один и смотрел на меня каким-то особенно грустным взглядом.

В тот момент мне показалось, что земля уходит из-под ног. Я погрузился в мысли, полные горечи и испепеляющие душу. Потом вдруг пришел в себя, поднялся и принес для моего голубя корм и воды. Но он

даже не взглянул в ту сторону и лишь грустно смотрел на меня. Потом закрыл глаза и так стал похож на человека, у которого нестерпимо болит сердце и который только того и желает, чтобы рассказать кому-нибудь о том, что с ним случилось... Рассказать и облегчить свою душу...

Голубь прилетал ко мне каждое утро, еще до восхода солнца. Он почти не дотрагивался до корма и воды, которые я упорно продолжал для него приносить. До самого вечера он безучастно сидел под розовым кустом, иногда с открытыми глазами, иногда с закрытыми. Я сразу понял, что он тоже, как и я, потерял свою половинку и теперь не может смириться со своей потерей. Может, и он почувствовал во мне товарища по несчастью... Но чтобы излить душу, нужны слова, а я не знал его языка, как и он — моего... И нам ничего не оставалось, как ограничиваться лишь языком взглядов и вздохов. Вечером каждый из нас возвращался к себе: он — в опустевшее гнездо, а я — в опустевший без моей Дилбар дом, такой пустой и холодный.

... Уж так сложилось, что мне вновь пришлось сорваться с обжитого места и снова пуститься в путь. Я продал свой дом одному человеку, очень приличному и порядочному. Перед самым отъездом я показал ему голубя, все так же безучастно сидевшего под розовым кустом, и попросил его не забывать об этой птице и приносить ей немного корма и воды. Он обещал, и мы обменялись номерами телефонов. Вскоре я уехал в Казахстан и без особых трудностей обосновался в городе Алма-Ата. Прошло некоторое время на моей новой чужбине, которое я не могу назвать тяжелым, и я позвонил

тому человеку в Баку, которому продал наш дом. В разговоре я спросил у него про моего одинокого голубя, на что он ответил:

- Дорогой брат, через несколько дней после вашего отъезда я больше его не видел. Я делал все, как ты меня просил: приносил корм и воду, но, видно, кроме тебя он больше не захотел ни с кем дружить...

Что и говорить – эти слова меня очень расстроили... Я задумался и стал обвинять в случившемся только себя. «Что я наделал? – думал я и не мог успокоиться. – Я должен был взять его с собой. Хотя бы ради нее, ради того замечательного времени и драгоценных отношений, которые я храню в моем сердце. Я бы сделал для него новое гнездышко и ухаживал бы за ним, пока он жив...»

Я много думал о том, что случилось, и пришел к такому выводу, что Всевышний наделил способностью дружить, любить и доверять не только разумные существа, но и всё живое на этом свете, пусть даже менее сознательное и организованное, чем человек. Каждое существо соразмерно своему уровню развития и понимания может любить, крепко дружить, совместно проживать, иметь потомство, заботиться о нем и выполнять свой долг перед родителями.

* * *

Меня тоже, как и того одинокого голубя, съедала тоска и выжигала все внутри. Бесконечные мысли тянули меня вниз и кидали из стороны в сторону, и я, раскачиваясь на волнах сомнений и неопределенности,

никак не мог найти того спасительного берега, чтобы наконец завершить мои скитания и положить конец душевным мукам. Именно в таком состоянии я и написал стихотворение «Я и одинокий голубь», которое в сильном эмоциональном волнении и еле слышным голосом не раз зачитывал вслух моему товарищу по несчастью. А он, словно тяжелораненый, казалось, понимал всё — от первого до последнего слова — и смотрел мне прямо в глаза. Потом устало опускал веки, склонял голову на бок и застывал в горестной позе...

МАМОЧКА ВАРДАК И ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Наша деревня была не очень большой. Жили в ней представители трех народов – курды, азербайджанцы и армяне. Как наши родители, так и мы, дети, крепко дружили и были хорошими соседями. Каждый наш день был насыщен самыми разными детскими забавами: мы играли в прятки, футбол, быр¹, шашки и другие детские игры. Между собой мы свободно общались на всех трех языках, и нередко случалось так, что, задержавшись у кого-нибудь из ребят дома, мы могли там поужинать и даже остаться ночевать. Нашим матерям мы говорили «дае», «ана», «майрик» (это на курдском, азербайджанском и армянском), а отцов называли либо «апо», «ами» и «хорехпайр».

В нашей деревне была школа. Это была семилетка, и обучение в ней велось на двух языках: армянском и

¹ Быр – название детской игры, при которой обороняющаяся группа старается не допустить другую группу на условную линию и отсекает одного или нескольких человек из нападающей группы при попытке последней перейти условную линию (*примеч. переводчика*).

азербайджанском. Мы, курдские дети, учились в обоих секторах, а после уроков занимались пастушеством: гнали за деревню на выпас ягнят и телят. Там было одно место — большая каменистая площадка, такая ровная и скользкая, что мы постоянно на ней поскальзывались и, падая, разбивали себе носы и зубы в кровь. Конечно, было очень больно, но, несмотря на это, мы все равно продолжали идти туда и играть в наши любимые игры. А играли мы допоздна и спохватывались только тогда, когда начинало темнеть.

Жизнь в деревне проходила довольно весело, и, как я уже сказал, соседи были очень дружны. В дни празднеств или печальных событий эта помощь и взаимовыручка была особенно видна. Так, прибывших издалека людей на чьи-то похороны наши сельчане на ночь забирали к себе. Кроме того, все три дня соседи сами готовили еду и приносили ее людям в доме усопшего¹.

То же самое было и в дни празднеств: соседи охотно распределяли между собой приглашенных издалека гостей и забирали их к себе переночевать. Одним словом, жилось дружно и так, как принято в большой и хорошей семье.

К сожалению, сейчас из тех людей мало кто остался в деревне: кто ушел в мир иной, а кто просто покинул родные места. Мне же хочется рассказать здесь об одной женщине, матери, всеми любимой и уважаемой, которой, к сожалению, уже давно нет на этом свете. Обещаю, что не стану утомлять вас длинным рассказом, и уверяю, что буду

¹ В дни поминок и похорон не принято, чтобы в доме усопшего разогревался очаг и готовилась еда (примеч. переводчика).

праток, хотя хотелось бы сказать о ней побольше теплых и душевных слов...

Все наши односельчане называли ее не иначе как «мамочка Вардак». Никакое мероприятие, будь то веселое или печальное, не обходилось без этой женщины. Она всегда восседала на почетном месте, и редко какое важное дело улаживалось без ее мудрого совета.

Так кто же была матушка Вардак и как появилась в нашей деревне? Как рассказывала моя мама (а она и Вардак были ровесницами и в девичестве крепко дружили), Вардак родилась в той части Курдистана, которая находилась под властью Османской империи («Рома Раш»), и ее семья, как и многие курдские семьи, испытала на себе все ужасы и гнет со стороны аскаров Хамидие.

Деревня, в которой жила семья Вардак, располагалась у подножия горы Большой Агри. Однажды ночью вооруженные до зубов отряды окружают эту деревню, и начинается настоящая резня. Тогда погибло много невинных сельчан, и тех, кому удалось спастись, были единицы, среди которых была и маленькая Вардак.

После нескольких дней тяжелых скитаний она и еще две маленькие девочки встречаются, наконец, у реки Араз группу таких же курдских беженцев, и в ту же ночь, перейдя на тот берег, оказываются в Советской Армении. Но не всем удастся благополучно перейти заветную реку — многие из несчастных скитальцев тонут в бурной воде... Куда-то пропадают и те две маленькие спутницы, которых Вардак так больше никогда не увидит.

Наутро пограничники вызывают к себе несколько местных курдов, живущих в приграничной полосе, и распределяют среди них оставшихся в живых беженцев. Так Вардак попадает в семью Гасана, известного, уважаемого и авторитетного человека не только в своей деревне, но и во всей округе.

Гасан принял и вырастил Вардак как родную дочь. Проходят годы, девушка растет и превращается в настоящую красавицу. По ней сходят с ума многие молодые парни, ей вслед раздаются глубокие охи-вздохи и даже нередко вспыхивают ссоры и стычки между поклонниками ее красоты и скромности.

Жил в нашей деревне и парень по имени Аджо. Кто это был и откуда взялся в наших краях? А путь у него был примерно такой же, как у Вардак. Родился он в деревне, расположенной чуть дальше, чем где жила она — у подножья горы Малый Агри. Так же, как и ей, ему пришлось еще ребенком спастись от вооруженных турецких отрядов и вместе с другими курдскими беженцами пересекать реку Араз. Именно так Аджо и оказался в Армении, но что предшествовало этим событиям, я сейчас расскажу.

Аджо рос хилым и не очень здоровым ребенком. Оно и понятно — мало кто может выглядеть цветущим и здоровым, когда уже с малых лет терпишь лишения, нищету и разные невзгоды, какими бывает полна жизнь людей, живущих под властью ненасытных кровопийц. Еще ребенком Аджо стал пасти ягнят, в точности повторяя судьбу своего отца, всю жизнь занимавшегося только пастушеством.

В очередное утро, когда Аджо пасет отару ягнят на пастбище, расположенном повыше деревни, он замечает, как в центре деревни собрались люди и среди них трех-четырех незнакомых всадников. Оставив ягнят, Аджо спускается в село и подходит к собравшимся. Незнакомцами оказываются турецкие солдаты и офицер, который в бешенстве размахивает руками перед носом деревенского старосты и громко кричит: «Поторапливайся, паршивый пес, не то переломаю тебе все кости!» А тот весь трясется от страха, боится поднять голову и тараторит: «Конечно, мой ага, конечно, дорогой эфенди».

Оказывается, что офицер требует у старосты предоставить несколько человек и выючных волов для перевозки и доставки турецким войскам продовольствия и оружия... И это должно быть доставлено туда, где курдские патриоты ведут кровавые бои за свободу своей родины.

Продажный староста выполняет приказ офицера и при этом не перестает подобострастно кланяться и повторять: «Да, дорогой ага, мой эфенди...». Офицер же, даже не глядя в его сторону и грязно выругавшись, вскакивает на коня, взмахивает кнутом и вместе с солдатами гонит людей и волов из деревни.

Некоторое время староста от страха не смеет поднять голову, неподвижно застывает на месте, потом, очнувшись, оглядывается кругом и, видя, что турки уже далеко, принимается кричать на сельчан, мол, чего встали, убирайтесь по своим домам. Люди молча разбредаются.

А что Аджо? Оказывается, он, находясь рядом, невольно попадает в тот самый поток людей и животных.

Не идти со всеми он не может — ясное дело, сразу убьют. И бедный Аджо по пути погружается в невеселые мысли: что ему делать, как быть и самое главное — как отомстить предателю-старосте. Под покровом ночи он приближается к одному из волов, нагруженному оружием, и, уловив момент, умудряется столкнуть его в обрыв, тянувшийся вдоль дороги. Вол с грохотом сваливается в обрыв.

Солдаты о случившемся немедленно докладывают офицеру, и тот в бешенстве приказывает привести к нему виновника. Несчастливого Аджо приводят к офицеру, но на вопрос, как это случилось, он ничего не отвечает и даже не смотрит в его сторону. Офицер хватается за револьвер и хочет на месте его застрелить, но потом меняет свое решение и распоряжается избивать его до тех пор, пока тот не испустит дух. Солдаты волокут Аджо к тому обрыву, срывают с него одежду, голым кидают на землю и принимаются исполнять отданный приказ: бьют изо всех сил и при этом в бешенстве кричат: «Вот так, поганый гявур! Тебя надо прикончить как последнюю собаку!».

Когда Аджо приходит в себя, видит, что лежит в какой-то темной и холодной пещере, а вокруг него много незнакомых людей, измученных и истощенных. Голова его на коленях благообразного седовласого старца, и тот мягко поглаживает его по волосам и говорит: «Не переживай, сынок, твой дядя не допустит, чтобы ты так рано ушел из этой жизни. Бог сверху все видит, и каждому воздастся по заслугам. Всему свое время, и когда-нибудь они ответят перед Всевышним за всю ту боль и горе, которые они принесли курдам. Ничего, не переживай, за самой темной ночью все равно всегда наступает светлое утро».

Благородный старец лечит Аджо всякими лекарственными снадобьями и разными травами, и вскоре раны начинают затягиваться. Постепенно он встает на ноги и некоторое время живет в пещере с теми людьми, которые дали ему пищу и кров.

В очередное утро, когда Аджо снова выходит со старцем, чтобы вместе нарвать лечебных трав, он целует своему спасителю обе руки и прикладывает их к своим глазам. Потом спрашивает у него разрешения покинуть его и уйти и вдруг видит, как у того из глаз льются слезы. Старец в большом душевном волнении рассказывает Аджо свою историю – историю о подлости турецких солдат. Оказывается, спустя несколько дней после ухода Аджо из деревни турецкие аскяры окружают и то село, где жил старец, но, к счастью, никто не пострадал – люди незадолго до этого покинули свою деревню, и к моменту прихода турок там никого не оказалось. С того самого дня, когда старец поведал Аджо свою историю, в то самое утро они сближаются еще больше, и тот начинает считать Аджо своим родным сыном.

До самой осени Аджо остается в том самом убежище с остальными беженцами. Питаются они в основном теми съедобными травами, которые в изобилии росли в горах Курдистана.

На исходе осени, в одну из темных ночей он вместе с остальными беженцами пересекает реку Араз и достигает Советской Армении. Власти распределяют людей и рассылают по близлежащим селам, и вот таким образом Аджо оказывается в нашей деревне.

Некоторое время Аджо живет в доме дяди Атара. Ему уже давно минуло за двадцать, и Аджо вступает в ту пору юности, когда уже пора отвечать за свои поступки. Благодаря своему хорошему характеру он очень скоро завоевывает любовь и уважение не только односельчан, но и руководства деревни. Ему выделяют небольшой земельный участок, на котором при помощи бескорыстных сельчан для него строится маленький, но свой домик.

Однажды вечером несколько взрослых и уважаемых в деревне стариков приходят в дом Гасана. Вардак, конечно, видит, какие к ним пожаловали гости, но о причине их прихода не догадывается. Через некоторое время, поговорив с Гасаном, гости прощаются с хозяином дома и, довольные, уходят.

На следующее утро Гасан зовет к себе Вардак и жену Айшан (а надо сказать, что Айшан любила Вардак как родную дочь и не делала никакой разницы между ней и собственными детьми) и рассказывает им о причине, по которой накануне к ним приходили люди. Айшан и Вардак становятся все ясно. Они молча опускают головы и погружаются в свои мысли...

Через несколько дней сельчане приводят Вардак в маленький и очень скромный дом Аджо. С того времени их судьбы оказываются связанными воедино. Идя по жизни рука об руку, они вместе переживают разные времена — и плохие, и хорошие. У них рождается несколько детей, но разные детские болезни делают свое черное дело: еще малышами умирают несколько их детишек, и в живых остаются только двое — сын Абдулла и дочь Казе. Абдулла растет похожим на отца — с таким же

мягким и трудолюбивым характером. Он с успехом заканчивает в их деревне семилетнюю школу и вместе с отцом трудится на сельскохозяйственных работах. Проходят годы, и Абдулла становится видным юношей в деревне. Его любят и уважают ровесники, у него много друзей, и каждый вечер товарищи собираются в его доме, который наполняется весельем, беззлобными розыгрышами и шутками, во время которых время от времени подтрунивают даже над всеми любимой мамочкой Вардак.

К сожалению, радость и беззаботное время долго не длится и неожиданно обрываются: однажды утром приходит черная весть, моментально облетевшая весь мир. Люди, собираясь группами, тяжело вздыхают и обсуждают только одно – началась Великая Отечественная война. Жизнь в деревне меняется. Мужчин и молодых парней становится все меньше и меньше, вместо прежнего веселья все чаще раздаётся плач и льются слезы, люди, чтобы прокормить свою семью, закрывают дома и уезжают в другие места... А в один из таких тяжелых дней в дом Аджо приходит тревожное известие: сына призывают на фронт. И Абдулла вместе со своими сверстниками берет в руки оружие и вместе с ними идет сражаться против кровожадных фашистов, за справедливость, за свою дорогую Родину.

Однажды в ворота дома Аджо стучится сельский почтальон. Домочадцы в волнении бегут открывать и видят, как почтальон с широкой улыбкой протягивает им треугольное письмо. Отец и мать выхватывают заветный пакет, целуют его и со слезами радости передают дочери

Казе (надо сказать, что она тоже, как и брат, окончила семилетнюю школу в их деревне). Она открывает письмо и чистым, ясным голосом принимается читать послание от брата:

«Мама, папа, я вас очень прошу, обо мне не переживайте, у меня все хорошо, я жив-здоров и сейчас нахожусь на Украине. Эта земля мне очень нравится, потому что напоминает те места, где мы живем. Равнины, пастбища, реки и бурные родники – всё как у нас. Леса раскинуты так далеко, сколько видит глаз. Фруктов и всяких разных плодов несметное количество, а их елки и тополя так высоки, что когда задираешь голову, чтобы увидеть их макушки, с головы может упасть шапка.

У меня много друзей, и мы друг другу как братья. Они очень обо мне заботятся. Там, где мы сейчас, не очень холодно, а наши шинели намного теплее тех шерстяных одеял, которыми мы укрываемся дома.

Иван, Шалико, Акон, Низами и Кадырбек тоже передают вам привет и целуют ваши руки. Некоторое время назад у меня поднялась температура, и чего только они ни делали, чтобы я выздоровел. Иван вскипятил воду в своем котелке и вместо чая стал поить меня этой водой. Я пил ее, и на какой-то момент мне показалось, что я дома и пью заваренный тобой, мамочка, чай из джатри, тот самый чай, вкус которого я так люблю.

Мамочка, не переживай обо мне, Бог даст, мы задушим проклятых фашистов в их же гнезде. Справедливость восторжествует, и в один прекрасный день твой сын с честью и достоинством вернется домой.

А ты, как мать героя, будешь только радоваться и гордиться мной.

Очень вас прошу — не задерживайте с ответом! Напишите мне, что у вас нового, кого из моих товарищей призвали на фронт, кто остался. Чем занимаются те девочки, которые со мной учились, как там Гуле — дочь дяди Амара...»

Казе заканчивает читать письмо, но имя Гуле звучит для слуха мамочки Вардак подобно пронзительному и раскатистому звоночку. Только тогда она понимает, что ее любимый сынок не так-то по-детски простодушен, как ей казалось. Оказывается, он просто не подавал виду, но на самом деле еще до ухода на фронт уже приглядел для себя девушку и, как говорится, «нашел себе голубку».

И с того самого дня мамочка Вардак невольно становится более внимательной к дочери своего соседа, прикипает к ней всем сердцем и находит в ее характере немало хороших черт. Где бы она ее ни встретила — будь то в поле или у родника — тотчас же ее подзывает к себе, обнимает и целует, любясь ее милым личиком. А отойдя на пару шагов, оборачивается и не может налюбоваться стройным станом девушки, которая так полюбила ее сыну, и из уст невольно вырываются тихие слова молитвы.

Так проходит множество дней, отягощенных мучительным ожиданием. Письма от Абдуллы иногда приходят друг за другом, а иногда и заставляют себя долго ждать. Отец и мать не могут им нарадоваться и не расстаются с заветными треугольниками ни днем, ни ночью: то носят их за пазухой, то кладут под подушку и только так спокойно засыпают. Часто видят сына во сне,

как он, такой молодой, красивый и статный, воюет против врага. Нередко им снится, что они тоже берут оружие в руки и вместе с ним бьются с проклятыми фашистами. А еще им снятся сны, будто Абдулла уже вернулся. И как будто у них дома полно народу, пришли все его товарищи, а дафчи Джнджо весело и с азартом бьет в свой барабан. Во дворе их дома растягивается огромный говьянд, а во главе танцующих — та сама Гуле, которая украдкой переглядывается с Абдуллой. Оба ласково улыбаются друг другу, потом он тоже вступает в говьянд и не сводит с девушки восхищенных глаз.

Вот такие сны снятся родителям, и оба с нетерпением ожидают возвращения своего сына-героя.

Дни, так похожие друг на друга, следуют своим чередом. И снова почтальон стучится в их двери. В тот день Аджо не было дома, и дверь спешит открыть мамочка Вардак. Но на этот раз почтальон уже не смотрит на мать с привычной широкой и радостной улыбкой и не торопится, как прежде, вручить ей треугольное письмо.

Грудь мамочки Вардак сжимает тревожное чувство. Руки начинают трястись, но она привычно снова целует полученное письмо и прижимает к сердцу. Потом бежит к дому Амара, зовет Гуле и протягивает ей письмо. Та разворачивает сложенные листки и в большом волнении принимается читать вслух: *«Наши дорогие мать и отец...»*.

На этих словах у Гуле обрывается голос, и письмо выпадает из ослабевших рук. Немного придя в себя, она поднимает его и продолжает читать, но уже дрожащим и внезапно охрипшим голосом:

«Мы ничего не могли поделать... Мы готовы были все отдать, лишь бы Абдулла остался жив, но... Нашего товарища, нашего дорогого и любимого друга мы похоронили на украинской земле, на склоне Карпатских гор, у чистого родникового источника, под большой елью. Ваш сын и наш товарищ, которого невозможно забыть, действительно был настоящим героем. Это был храбрец, большой патриот и замечательный человек. Дорогие мать и отец! Мы все ваши дети! Ведь свободы не бывает без жертв и потерь!..»

Весть о гибели сына Вардак приняла с большим мужеством и стойкостью. Потому что он пал в борьбе за правое дело, защищая свою Советскую Родину.

С того самого дня Вардак снимает со своей головы кофи¹, облачается в траур и с небывалым усердием погружается в работу села. Всю свою энергию она направляет на вверенное ей дело и добивается таких результатов, что ее как передового работника посылают на съезд делегатов в Москву. Несколько раз ее избирают членом сельсовета, а также депутатом райсовета и впоследствии депутатом Верховного Совета Республики Армения последнего созыва.

Несчастный Аджо после получения вести о гибели сына вскоре умирает. Дочь Казе выходит замуж и становится матерью семейства. Мамочка Вардак остается в доме совсем одна и проводит много бессонных и горьких ночей. Иногда ей снится, что она стала бабушкой и баюкает детей Абдуллы, напевая им сладкие колыбельные

¹ Кофи – женский головной убор (примеч. переводчика).

песни. Потом эти дети вырастают, им играют свадьбу, и будто бы Абдулла и Гуле снова танцуют в говянде, а собравшийся народ осыпает их монетами...

Рядом с нашей деревней, у подножья небольшой горы раскинута широкая площадка, на которой лежит большой и круглый черный камень. Наши сельчане называли его «камень Абдуллы Аджо» за то, что никто из молодых парней, кроме Абдуллы, не мог сдвинуть и поднять его с места.

Мамочка Вардак каждый день ранним утром, еще до того, как взошло солнце, приходила к этому камню, обнимала, гладила его и горько плакала. Потом долго целовала его и только после этого уходила домой.

Прошли годы. Время диктовало свое, и изменилось многое. Вардак потеряла зрение, но продолжала, как и прежде, перед каждым рассветом приходить к этому камню. Теперь с ней был уже младший сын Казе, которого называли в честь дяди – Абдуллой. И снова несчастная мать обнимала черный камень, гладила его, плакала, целовала и только потом уходила...

Однажды мамочка Вардак созвала к себе почтенных и уважаемых старцев деревни и попросила, чтобы после ее смерти тот самый черный камень положили бы на ее могилу...

Так и произошло, и наказ мамочки Вардак в точности был исполнен.

Сейчас на том месте, где раньше лежал тот черный камень, жителями деревни установлен памятник в честь павших односельчан в Великой Отечественной войне. И среди указанных на каменной плите имен героев первым

стоит имя Абдуллы. Вокруг посажено много елей и плодовых деревьев, а также нескладанное количество кустов роз и лилий.

Каждое утро школьники приходят со свежими цветами и возлагают их к памятнику. Немного постояв с понурой головой, они отдают салют и уходят.

Никто не забыт, ничто не забыто.

1978
Ереван

ВОСПОМИНАНИЯ

СЕЙДА¹ ШАМИЛ

*(Несколько незабываемых моих воспоминаний
о Шамиле Аскерове)*

В сентябре 1990 года в связи с войной за Нагорный Карабах я с семьей переехал в Республику Азербайджан, город Баку. После долгих мытарств мы поселились в доме, состоящем из четырех комнат. Чтобы найти хотя бы самую простую работу, я взял все документы, свидетельствующие о моем образовании, и пошел на прием в райсовет Нариман Нариманова.

Руководство Совета направило меня как сотрудника сферы образования к начальнику РОНО, причем это оказался тот же район, где мы нашли себе жилье.

После небольшого собеседования меня взяли на работу в качестве школьного инспектора. Прошло некоторое время. Я позвонил своему студенческому другу

¹ Сейда (Seyda) – по-курдски означает «учитель». Обычно употребляется в качестве почтительного обращения (*примеч.переводчика*).

Ахмаде Гапо, который вот уже много лет жил в Баку. Услышав мой голос, он очень обрадовался и спросил, откуда я звоню. Я ответил, что сейчас нахожусь в Баку, и рассказал ему обо всем, что произошло с нашей семьей. Он немного расстроился, потом приободрился и сказал мне, что я правильно поступил, приехав не куда-нибудь, а сразу в Баку.

А.Гапо пришел ко мне домой. Мы обнялись и оба расчувствовались.

- Не расстраивайся, дорогой брат Ахмад, - сказал я своему другу. - Дорога жизни состоит из ям, ухабов и вечной борьбы. Она бросает людей в свое русло и несет куда захочет.

С того самого дня мы стали часто видеться. В наших разговорах обсуждались самые разные вопросы: далекая студенческая пора, культура, история и положение нашего народа. А однажды я спросил у него:

- Ахмед, ради Бога, скажи: ты видел мамосту¹ Шамиля? Между вами есть связь или нет?

Он посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

- Ну ты даешь! Такой вопрос интересный задаешь... Как между нами не может быть связи? Стоит ему хоть на денек появиться в Баку, он первым делом сначала видится со мной, а уже потом идет по своим делам.

Я попросил Ахмеда, чтобы в следующий раз, когда Шамиль Аскеров приедет в Баку, он непременно дал мне знать, чтобы я мог познакомиться с ним лично.

¹ Мамоста – по-курдски означает «учитель». Так обычно звучит почтительное обращение к уважаемому человеку (примеч. переводчика).

В один из обычных вечеров мы всей семьей смотрели телевизор. Я был погружен в свои мысли и почти не следил за тем, что происходило на экране. Вдруг раздался телефонный звонок. Я поднял трубку, и до меня донесся веселый голос Ахмада:

- Бари, хочу тебя обрадовать. Кяк¹ Шамил сейчас у меня, и я как раз рассказываю ему о тебе. Он тоже хочет с тобой познакомиться и с нетерпением ждет вашей встречи.

Я и Кяк Шамил до того времени никогда не встречались друг с другом. Но я читал и был знаком со многим из того, что он публиковал: и его книгами, и разными статьями и другими материалами, которые печатались в газетах и журналах. Я был горячим поклонником всего того, что он писал, и этот человек казался мне высокой и неприступной горой.

Весть от Ахмеда переполнила мою душу радостью. Я быстро переоделся и, не чуя под собой ног, помчался в дом моего друга. Сердце колотилось, дрожали руки, и вот, наконец, я постучался в дверь. Мне открыл сам Ахмед и с широкой улыбкой взял меня за руку и провел в комнату для гостей.

Я увидел Кяк Шамиля, но не верил своим глазам: неужели это тот самый человек, которого я мечтал увидеть

¹ Кяк (Кек) – по-курдски означает «старший брат» или «дядя (брат отца)». Обычно употребляется в сочетании с именем, к кому уважительно обращаются (*примеч. переводчика*).

столько лет? В голове стучало: «Господи, это Как Шамил или нет? Это Как Шамил или нет?»

Передо мной был курд, настоящий курд, так похожий на героев-удальцов, только что спустившихся с высоких гор. Я захотел подойти к нему, но понял, что меня не слушаются ноги. Остолбенев, я стоял на месте и не мог сдвинуться ни на шаг. Лишь жадно смотрел на этого человека и тихо повторял про себя: «Спасибо тебе, Господи, наконец мое желание исполнилось».

Как Шамил посмотрел на меня и улыбнулся. Затем легко встал со своего места, подошел ко мне и ответил на мое приветствие. Сначала он пожал мне руку, потом обнял меня, и мы поцеловались. Я хотел было поцеловать ему руку, но он не пустил и, сжав мою руку, усадил рядом с собой.

Я был в смятении и пока не справился с нахлынувшим на меня волнением, чтобы первым начать разговор. Поэтому с нетерпением ждал, когда он заговорит сам, и когда это случилось, я услышал речь на чистейшем курманджи. Он говорил очень ясно, грамотно, и в каждом его слове чувствовалась благородная натура. Я, не отрываясь, наблюдал за ним и его манерой говорить. Он сложил руки на груди и был очень эмоционален, рассказывая о чем-то: то искренне сердился, то становился спокойным и мягким... Ростом он был не очень высокого, скорее, среднего, но во всем его облике было какое-то неусловимое обаяние, которое невольно приковывало внимание собеседника. Рыжеватые волосы, светлые глаза, пухлые губы и крупный нос, открытый взгляд и широкое лицо... Вот каким он был внешне, Как Шамил, и вдобавок

ко всему это был человек, обладающий глубокими научными знаниями.

И я подумал про себя: «Спасибо тебе, Господи, за то, что ты подарил многострадальному курдскому народу Красного Курдистана такого сына! Не все народы удостаиваются такого дорогого подарка».

Наша беседа (а говорили мы о многом) продлилась еще какое-то время, а потом мы втроем вышли прогуляться по бульвару у берега Каспийского моря. Мы гуляли и продолжали наш разговор на самые разные темы.

На следующее утро я и Ахмад проводили Кяк Шамиля в Кельбаджар, который пока еще не был захвачен армянами. После его отъезда я написал и посвятил ему стихотворение, которое так и называлось – «Сейда Шамил».

Прошло некоторое время, и в один из дней в офис Центра курдской культуры пришел какой-то государственный чиновник и сказал, что завтра несколько членов нашего Центра должны пойти на встречу с президентом Республики Азербайджан Абульфазом Эльчибеем. Больше ничего он не сказал, попрощался и ушел.

На следующий день Камыл Гасанов (руководитель Центра курдской культуры «Ронаи»), академик Темр Ахмедов, Ахмаде Гапо (редактор газеты “Dengê kurd” («Голос курда»)) и я пошли на встречу с Абульфазом Эльчибеем.

Нас приняли в качестве представителей курдов Азербайджана, и встреча с президентом была организована на довольно высоком уровне. Были заслушаны разные

выступления, и после этого А.Эльчибей объявил, что в Москве должен пройти съезд курдов СНГ и что курды Азербайджана будут представлены там делегацией во главе с Шамилем Аскеровым. Также нам были даны некоторые поручения, выполнение которых отвечало государственным интересам Азербайджана.

Встреча завершилась на том же уровне, что и началась. Через два дня мы встретились с Кяк Шамилем в аэропорту города Баку. На этот раз он был очень расстроен. От прежнего позитивного настроения не осталось и следа. Оказалось, что причиной тому – сложившаяся ситуация вокруг Кельбаджарского района. Вот что он нам рассказал:

- Армянские боевики днем и ночью поливают огнестрельным огнем Кельбаджар и близлежащие деревни. Я и несколько моих хороших товарищей собрали из местных жителей отряд защитников родины, и вот уже шесть месяцев, как я не видел свою семью. Хотя мы и одеты в военную форму, хоть и находимся на линии огня и спасаемся только в траншеях и окопах, а докладываешь каждый день властям о нашем положении – и все без толку, никому до нас и дела нет! Никакой помощи ниоткуда нет. И если эти районы все еще удерживаются и не переходят в руки армян, то только благодаря мужеству курдских патриотов, - Кяк Шамил тяжело вздохнул и продолжил. – Никому до нас нет и дела, государство о нас забыло, там только идет борьба за высокие должности. Одним словом, если так и дальше пойдет, положение наше только ухудшится.

Я, в свою очередь, рассказал ему о положении курдов, прибывших из Армении. Через несколько часов мы уже были в московском аэропорту. Нас встречали представители Курдского Дома в Москве, они отвезли нас в город и разместили в небольшой гостинице. На следующее утро в 11.00 в большом зале съезд начал свою работу.

Кроме курдов бывшего Советского Союза на съезде принимали активное участие также представители РПК. Главной темой обсуждения было положение курдов СНГ. Кроме того, определенное внимание было уделено и теме Красного Курдистана. Порядок выступлений был расписан таким образом, что каждый регион представлял только один человек.

После двух выступающих слово дали Кяк Шамилю. Пока он направлялся к кафедре, началась настоящая овация: пожалуй, все присутствующие аплодировали и кричали: «Шамил, Шамил!» Нетрудно было догадаться, что он не только известен большинству представителей курдской интеллигенции СНГ, но и пользуется немалым авторитетом. В своем выступлении Ш.Аскеров говорил о плачевном положении курдов Красного Курдистана и Кельбаджара и сумел донести до делегатов весь ужас положения, в котором они оказались. Участие Кяк Шамиля в работе съезда как будто еще больше подняло уровень и значимость проведения этого мероприятия. Некоторые участники во время его выступления не переставали перешептываться, и то и дело тут и там было слышно его имя: «Шамил, Шамил». Когда выступление было

закончено, его громкими аплодисментами проводили до самого места.

Во время перерыва к нему подошли очень многие. Некоторые подходили, чтобы просто пожать ему руку, а кто-то горячо обнимал и спешил завязать беседу.

Я выступал во второй день работы съезда и рассказал о положении тех курдов Армении, которые были вынуждены переселиться в Азербайджан. Меня, Кяк Шамиля и Темра Ахмедова поселили в одном номере. Не могу забыть, какую вкуснятину привез с собой Кяк Шамиль! Это были кали¹ в овечьих кишках. Мы тоже, как говорится, были кочевниками, но такого вкусного мяса я в жизни никогда не ел. Когда я спросил его о том, как им удастся приготовить такое роскошное кушанье, он засмеялся и сказал: «Бари, это в Красном Курдистане самое излюбленное блюдо. Каждая курдская семья в конце осени режет несколько коров и из их мяса готовит кали, которого должно хватить на всю зиму вплоть до самой весны». И, тяжело вздохнув, прибавил: «Но, как я посмотрю, армяне превратят те наши счастливые дни в одно горькое воспоминание».

На пятый день съезд закончил свою работу. Представители РПК в Москве отвезли нас в Курдский Дом, где на организованном там небольшом собрании были обсуждены наши выступления. На следующее утро нас на машине отвезли в аэропорт и дали нам две коробки, сказав:

¹ Кали (qelî) – вид жаркого, приготовленного особым способом (примеч. переводчика).

«Это газеты, журналы и несколько книг Апо¹. Будьте внимательны, чтобы это не попало в руки турецким агентам».

В Баку мы прибыли вовремя. Когда мы проходили территорию таможенного досмотра, двое сотрудников заинтересовались содержимым этих коробок и уже собрались конфисковать их, но, увидев Шамиля Аскерова, сразу повели себя иначе: подобострастно улыбнулись, вежливо поздоровались и чуть ли не под руку вывели и его, и нас из зоны досмотра.

Как Шамил еще два дня оставался в Баку. Он встретился с должностным лицом, но какой между ними состоялся разговор, мы так и не узнали. На третий день рано утром я и Ахмад проводили его в Кельбаджарский район. Перед отъездом я передал ему папку с моей рукописью – это была моя книга «Куда мне идти?». Я попросил прочитать ее и сказать о ней свое мнение. Прошло довольно много времени, пока он по каким-то делам, связанным с официальными инстанциями, не приехал в Баку.

Мы встретились, но он был очень мрачен. Его лицо сильно загорело, сам он выглядел очень уставшим. Мы немного поговорили, и он с виноватым видом протянул мне папку моих стихотворений и сказал:

- Извини, Бари, я клянусь... - и он тяжело вздохнул,
- эта война с армянами не дала мне никакой возможности

¹ Апо – по-курдски означает «дядя, брат отца». Под этим именем широко известен лидер курдского национально-освободительного движения в Северном (Турецком) Курдистане Абдулла Оджалан (примеч.переводчика).

прочитать все твои стихи. Я прочел только несколько. Честно говоря, мне очень понравилось. Язык твой ясный, понятный. Но я внес некоторые небольшие изменения в стихотворение «Былбыло» и надеюсь, что ты с моими мыслями будешь согласен. Так что не задерживай и публикуй книгу побыстрее.

Мы направились к берегу Каспийского моря. Как Шамил был неразговорчив, и я еле вытягивал из него слова. Он больше угрюмо молчал и иногда потирал лоб, одним словом, разговор у нас не клеился. Я проводил его туда, где он остановился, попрощался и ушел. На следующий день я и Ахмад проводили его в Кельбаджар.

Через несколько дней после его отъезда по государственному телевидению Азербайджана выступил профессор Темр Ахмедов, и вот что он сказал:

- Я обращаюсь к государственным должностным лицам и прошу, чтобы все официальные встречи, направленные на решение проблемы Нагорного Карабаха и Армении, в последующем не проводились бы без участия представителей тех курдов, которые были вынуждены бежать из Армении в Азербайджан, а также курдов, проживающих в данном регионе. Пусть они тоже будут участниками таких встреч. Я видел собственными глазами героизм этих людей, как они, не щадя своей жизни и без капли страха, грудью встают на защиту интересов Азербайджана.

Нико надо сказать, что еще во время нашей поездки в Москву для участия в работе вышеупомянутого съезда профессор Ахмедов открыто и в лицо высказывал свое мнение, в том числе и членам делегации, прибывшей из

Армении, в составе которой были тамошние езиды и армянские журналисты. И в качестве конкретных примеров приводил те факты, которые он слышал от меня и Кяк Шамиля.

К сожалению, призыв этого знающего и образованного человека не был воспринят официальными властями. Руководство республики очень часто не хотело даже слышать о курдах, в особенности о тех, которые прибыли из Армении. Представители националистических правящих кругов Азербайджана рьяно проводили политический курс, аналогичный и даже превосходящий тот, который вел турецкий режим в отношении нашего народа. Вот почему те курды, которые под свистом пуль и залпов рвущихся снарядов бежали в Азербайджан, надолго там не задержались и вскоре переселились в другие места: Россию, Среднюю Азию и Казахстан.

Одним из тех курдов являюсь и я. Вот уже несколько лет, как я переехал в Казахстан и живу в городе Алма-Ате. Я член Союза курдов Казахстана, в неделю раз даю уроки родного языка курдским детям. Здесь издается газета "Jiуana kurd" («Курдская жизнь»), журнал "Nûbar" («Рассвет») и курдские книги. От казахского народа я видел только почет и уважение...

Кяк Шамил жил в Кельбаджаре, а я и Ахмад – в Баку. Между азербайджанцами и армянами шла тяжелая кровопролитная война. Каждый день гибли люди – и военные, и гражданские, и слезы их матерей и сестер, их плач, крики и стенания поднимались до самых небес.

Сколько времени мы провели на кладбищах, хороня павших героев... Каждый день армянская армия занимала

по несколько городов и деревень Азербайджана. Кровь лилась рекой, царил всеобщий хаос, и каждый думал лишь о том, как спастись от смерти и уберечь от истребления членов своей семьи. Многие приезжали в Баку, но и там они были никому не нужны.

Однажды утром меня разбудил телефонный звонок. Я поднял трубку и не сразу узнал голос Ахмада — он был расстроен, всхлипывал и еле выговаривал слова:

- Бари, ты знаешь, что случилось? Вчера (17 мая 1993 года) армяне захватили Кельбаджарский район и несколько близлежащих деревень. Некоторым удалось спастись и прибыть в Баку, и Шамиль с семьей тоже среди них. Приходи к памятнику Самед Вургун¹, я и доктор Бахыш будем тебя ждать.

Я, доктор Бахыш и Ахмад, встревоженные до крайней степени, пошли туда, где нас ждал Кяк Шамил. Мы нашли его в небольшой полутемной комнатке. Там, на ветхом потертом диване, он сидел вместе со своим другом, на обоих была измятая и порядком потрепанная военная форма. Кяк Шамил был погружен в свои мысли, и было видно, как он измотан. Его взгляд, который раньше можно было сравнить разве что с зорким ястребиным, теперь был тусклым и каким-то помутневшим. Мы обнялись и дали волю чувствам. Он достал из кармана платок и стал вытирать глаза, а я смотрел на него и не мог поверить, что человек, который стоит передо мной, — это Шамил Аскеров. Он исхудал так, что узнать его было очень

¹ Самед Вургун — азербайджанский советский поэт, драматург и общественный деятель.

трудно. Я уже не выдержал, и у меня рекой потекли слезы. Он посмотрел на меня, положил руку мне на плечо и снова вытер глаза.

Через некоторое время мы вчетвером вышли и пошли туда, где остановился Кяк Шамил. По дороге я спросил его:

- А что стало с вашим имуществом, Кяк Шамил? Вам удалось что-то спасти и взять с собой?

Он мрачно посмотрел на меня, горько вздохнул и сказал убитым голосом:

- Валла, кроме своей семьи и старых рукописей мне больше ничего не удалось спасти. Все, что было, осталось там. И моя библиотека, в которой насчитывалось около 30 тысяч книг на разных языках, и музей¹ со всеми бесценными экспонатами, образцами народной культуры – все осталось там...

Квартира, где он остановился с семьей, состояла из двух маленьких комнат. Его супруга Назила, лезгинка по национальности, но душой настоящая курдянка-героиня, приняла нас очень радушно. «Добро пожаловать», - сказала она, приветствуя нас, и я поцеловал ей руку (это был первый раз, когда я ее видел).

Оказалось, что мы жили на одной улице, и с того дня я стал частым гостем этой семьи. Кяк Шамил тоже часто приходил ко мне домой, и мы часами говорили о судьбе нашего народа и его проблемах. Иногда я становился чересчур эмоционален, и тогда он со всей

¹ Шамил Аскеров на протяжении многих лет был директором Кельбаджарского филиала Государственного музея Азербайджана (примеч.автора).

уравновешенностью и спокойствием, присущими солидным людям, успокаивал меня и приводил такие доводы, с которыми я не мог не согласиться. А еще мы много работали над «Курдско-азербайджанским/Азербайджано-курдским словарем», созданию которого Кяк Шамил посвятил 20-30 лет своей жизни. Очень часто в наших разговорах участвовал и поэт Усыве Факи Авдула.

* * *

Мы с Кяк Шамилем около 10 лет вместе проработали в Курдском Доме: организовывали вечера курдской поэзии, концерты и встречи с курдскими беженцами. За тот период, когда Гейдар Алиев был президентом, он дважды принял нас как представителей курдов Азербайджана и давал нам много разных поручений.

... Никогда не забуду один эпизод. Приближался Новруз, и мы не знали, где его отпраздновать. Когда мы обсуждали этот вопрос в Центре курдской культуры, каждый из присутствующих высказал свое мнение. Кяк Шамил вдруг поднялся со своего места и сказал:

- Мы проведем свой праздник в зале имени известного курда Ашыха Шамшира. И будь что будет! Мужчина однажды приходит в мир, однажды и уходит. Пусть где тонко, там и порвется. Мужественные поступки не умирают, они были и есть в каждой эпохе. Как говорили наши предки, «Бог предназначил для ножа шеи овец».

Мы все согласились с его предложением, и было решено, чтобы он переговорил об этом с руководством клуба.

Через два дня Кяк Шамил сказал нам, что вопрос решен, и нашей радости не было предела.

Руководство Центра курдской культуры «Ронаи» поручило мне и Гажару Шамилю (третьему сыну Шамиля) написать речь, которая должна была прозвучать на этом празднике.

Текст мы написали довольно быстро, и во время очередного собрания его обсудили и скорректировали. Кяк Шамилю поручили открыть празднование и кратко рассказать об истории Новруза, а я должен был зачитать тот доклад. Как было решено, мы так и сделали. Все прошло очень гладко, без каких-либо инцидентов. Со стороны государственных структур никакого недовольства высказано не было, одним словом, все прошло без препятствий. Наше мероприятие длилось 4-5 часов, и принять участие в нем приехало много курдов из всех четырех частей Красного Курдистана (Лачина, Кубатлы, Зангелана и Кельбаджара). Они с удовольствием подпевали на родном языке и танцевали народные танцы. Оказалось, что эти люди не забыли свои обычаи и традиции, и было видно, как они счастливы. Отмечу, что кроме курдов на празднике также присутствовали и люди других национальностей – азербайджанцы, талыши, таты...

Мы внесли в зал флаг Курдистана – красно-желто-зеленое полотнище, и был вывешен портрет Абдуллы Оджалана. Представители властей, которые также там присутствовали, ни словом не высказались против. Наше

празднование очень гладко подошло к концу и завершилось с большим эмоциональным воодушевлением.

Через три дня туда, где я работал, пришли три незнакомца. Они подошли ко мне, представились и, показав свои удостоверения, попросили пойти с ними в министерство внутренних дел. С разрешения руководства отдела образования (моего начальства) я вышел с этими людьми, и скоро мы оказались в здании этого ведомства. Меня завели в небольшую комнату, и вот что там произошло.

Меня спросили о Гажаре Шамиле, на что я ответил, что не знаю, где он и кем он работает. Наступил вечер, и они, заперев меня в той комнате, ушли. Той же ночью ко мне привели Кяк Шамиля. Увидев меня, он очень рассердился и принялся ходить из угла в угол. Потом очень раздраженно и сердито сказал мне:

- Мне уже все ясно, Бари! Как говорится, «Бог есть, переживаний нет». Ни о чем не думай, все образуется. Если до утра нас не освободят, я пошлю весть всем курдам, которые живут в Баку, чтобы они пришли к резиденции президента и выразили свой протест.

Я посмотрел на него и улыбнулся:

- Кяк Шамил, ты ведь сам говорил: «Бог предназначил для ножа шеи овец». О каком страхе или переживаниях может идти речь?

Ближе к рассвету Кяк Шамиля увели, и два дня я провел в той комнате совершенно один. Утром третьего дня меня спешно отвели к министру внутренних дел Вагифу Новрузову, и между нами состоялся непростой разговор. Он спрашивал меня о курдской истории, и очень

скоро мне стало ясно, какой ярый и опасный пантюркист занимает этот важный государственный пост. В конце он сказал мне вот что:

- Товарищ Балаев, мы вас в нашу страну не приглашали и красных яблок за вами не посылали, вы сами пришли. Раз так, тогда вы должны маршировать так, как мы хотим. А если нет, то мы можем завтра же выгнать вас из Азербайджана и сделать так, чтобы твоя нога и таких, как ты, никогда не ступала на нашу землю.

Было понятно, что это должностное лицо — откровенный сторонник той ядовитой политики, которую ведет против курдов турецкое государство. Я посмотрел на него, улыбнулся и спокойно, но в то же время твердо сказал ему:

- Товарищ министр, если бы я знал, что, покинув христианскую страну и приехав в мусульманскую, повстречаюсь с вами и нарвусь на такое отношение, то я бы не приехал сюда. Но вы не должны забывать о том, что кем бы ни был по национальности мусульманин, что-что, но место его погребения в мусульманской стране обязательно найдется. Я прибыл сюда, чтобы меня похоронили на нашей, мусульманской земле. Если вы выдворите меня отсюда, то мир не перевернется. Слава Богу, на свете мест много.

Он посмотрел на меня и с раздражением приказал присутствующим там двум полицейским отвезти меня домой. Потом протянул мне свою визитку, но я не взял, чем еще сильнее его разозлил. Полицейские доставили меня домой.

На следующий день Кяк Шамил, Бахыш Гусейнов, Камил Гасанов и Ахмаде Гапо пришли ко мне на работу. Я подробно рассказал им обо всем, что произошло со мной в те дни. Кяк Шамил вздохнул и тихо сказал:

- Дорогой Бари, не переживай, Бог велик, и милость его безгранична. Как говорится в пословице, «отомстит еще Бог барану с кривыми рогами за безрогого барана». В один прекрасный день Бог и о нас вспомнит, и откроет перед нами ворота. Забудь обо всех этих трудностях. Мы еще возьмемся за руки и станцуем в день освобождения нашей родины. А что я скажу, если без всякой вины сидел в тюрьме 4 года?.. И еще хорошо, что только четыре года из пожизненного, которое мне хотели дать. У них против меня было только одно «обвинение», да и то их же руками и состряпанное. Говорили: ты, мол, в народе ведешь курдскую пропаганду. Но во время суда надо мной об этом не было сказано ни слова! Однажды следовательно, знаете, что мне сказал? Сейчас со смеху упадете!.. Он зло-зло посмотрел на меня, положил на стол книгу Ахмаде Хани «Мам и Зин», которую я перевел на азербайджанский язык, ткнул в нее пальцем и сказал: «Ты говоришь, что ни в чем не виноват. А это что? Что может быть хуже этого? Ты перевел на азербайджанский книгу того человека, который ведет борьбу против политики советского государства, да еще распространяешь ее в народе! Что может быть больше этой вины?!» Я посмотрел на него, в моей голове все смешалось, и я не знаю как, но я вскочил, схватил стул, на котором сидел, и шарахнул его по башке... Я не помню, что произошло потом... Когда я очнулся, то уже лежал на койке в тюремной больнице, с перевязанными руками и

ногами. Перед глазами был плотный туман. Рядом стояли несколько врачей и шептались между собой. Было видно, что они чем-то недовольны, и только один из них, казалось, был настроен ко мне дружелюбно и незаметно для других подмигнул мне. Выходя из палаты, он обернулся и снова подмигнул. Как оказалось позже, именно он сообщил Ахмаде Гапо о моем положении. Когда через несколько дней меня перевели из больничной койки в тюремную камеру, однажды вечером один из дежурных сказал мне, что ко мне пришли несколько моих друзей и хотят меня повидать. Меня отвели в какое-то другое место, и там увидел Ахмаде Гапо и несколько азербайджанских писателей и поэтов, с которыми я дружил. Я вошел и заметил, как при виде меня у них изменилось выражение лица. Они явно расстроились, а некоторые не смогли сдержаться и украдкой смахнули слезы. Удивительно, но когда я их увидел, мне стало легко на душе, и все случившееся перестало казаться каким-то важным и значительным. И я сказал про себя: «Все люди разные... Есть и плохие, и хорошие. Нельзя из-за какого-то одного человека считать плохой всю нацию...»

Как Шамил замолк, и мне не передать, как я был расстроен, слушая его рассказ. Потом осторожно спросил его:

- А разве вам не было известно, Как Шамил, кто и за что вас посадил в тюрьму?

Он ответил мне, но не сразу. Грустно посмотрел мне в глаза и сказал:

- Дорогой Бари, валла, твой вопрос как нельзя к месту. Я сам виноват в случившемся. Ну, раз зашел такой

разговор, тогда твой дядя откроет тебе свое сердце. Отцы и деды говорили: «Есть много добрых дел, которые влекут за собой зло». Значимость и важность того или иного события измеряется временем, и на этой основе зиждется каждая истина.

И он начал свой рассказ о горьких и незабываемых давних событиях.

Старший брат Гейдара Алиева академик Гасан Алиев (Гейдар Алиев в 1969-1982 гг. работал первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана) каждое лето, выходя в отпуск, звонил мне, чтобы я послал за ним машину и он приехал бы в Кельбаджар. Несколько дней он жил у меня, а после этого я провожал его в Истису, на минеральные источники.

В тот год он снова позвонил мне. А мне как раз нужно было съездить в Баку по делам отдела образования. Мы там с ним встретились и возвращались в Кельбаджар уже вместе. По пути мы оживленно беседовали, настроение у нас обоих было приподнятое, и я задал ему вот какой вопрос:

- Как Гасан, прошу извинить меня, если я ошибаюсь, но ведь вы тоже по происхождению курд?

Он посмотрел на меня, потом прикоснулся к моей руке и на чистом, ясном курманджи ответил:

- Да, Шамил, мы по происхождению курды. Мы курды Сисианского района Армении. Наша деревня называлась Джомардли. В Нахичевань мы переехали потом. Но, валла, я позабыл, как называется наш род.

Я почувствовал, что он не то что «позабыл», а просто не хочет называть свой род. Гасан Алиев продолжил:

- Но я слышал, что много людей нашего рода живут в районах Сисиана, - и добавил: - Шамил, сейчас Гейдар руководитель Азербайджана, ну, а кто я, ты сам знаешь – долгие годы занимал в республике ответственные посты. И теперь после всего этого мы уже не можем говорить о своем курдском происхождении и взять и сказать людям: «Свет твоим глазам, о народ Азербайджана, мы курды».

После этих слов ни Гасан Алиев, ни я не проронили ни звука. Так, в полном молчании, мы проехали еще немного. Тишина угнетала, и, доехав до одной небольшой горной деревни, я попросил его, чтобы мы остановились у местного магазинчика – мне нужно было кое-что купить для дома. Шофер остановил машину, и я вышел. Он тоже захотел выйти, но, заметив около магазина группу людей, внимательно посмотрел на них и остановился. Потом сказал мне:

- Шамил, сынок, скажи шоферу, пусть отъедет от магазина подальше.

Мы отъехали, но он уже не захотел спускаться с машины, и за покупками я отправился один. Подойдя к людям, которые стояли у магазина, я поздоровался с ними, они ответили, а некоторые старики в знак приветствия протянули мне руку. (У народов, живущих в горной местности, обычно принято, чтобы пожилой мужчина первым протянул гостю руку). В магазине я не задержался и вернулся довольно быстро. Автомобиль тронулся с

места, и через некоторое время первым заговорил Гасан Алиев:

- Шамил, сынок, ты знаком с теми людьми у магазина?

- Нет, Как Гасан, клянусь, я никого из них не знаю, - ответил я.

Гасан Алиев рассмеялся и с улыбкой сказал:

- Сынок, я еще издалека узнал одного-двух стариков. Это были мои друзья юности. Если бы они меня заметили, то сразу же узнали бы. Вот почему я не спустился с машины. Мы давным-давно потеряли друг друга из виду, а теперь уже поздно. Как говорится, «что было, то было».

К вечеру мы доехали до Кельбаджара и очень скоро уже были у меня дома. Ему, как всегда, был оказан самый радушный прием. В один из вечеров курдские корни Гасана Алиева снова стали предметом нашего разговора. Я показал ему газету «Совет Курдистани» («Советский Курдистан»), которая в 1930-х годах издавалась в центре Красного Курдистана – городе Лачине. В том номере, датированном за 1935 год, была опубликована его фотография и статья под названием «Первый курдский ученый», в которой рассказывалось о защите Гасаном Алиевым ученой степени.

Г.Алиев прочитал ту статью и сначала рассмеялся. Потом вдруг впал в раздумья, покачал головой, поднялся с места и стал ходить взад-вперед, иногда бросая на меня взгляд. Затем присел и тут же снова встал, подошел ко мне и положил руки мне на плечи. Совершенно серьезно глядя мне в глаза, он встряхнул меня за плечи и сказал:

- Шамил, сынок, - и тон его заметно смягчился, - тебе что, надоело носить свою голову? Как я посмотрю, тяжеловата она стала для тебя, на грудь, наверное, давит... Ты что, сынок? Послушайся моего совета – пока не поздно, выкинь из своей головы этот курдизм! У тебя, слава Богу, и работа есть, и авторитет, и имя. Ну так и живи себе в свое удовольствие! Чего ты хочешь? Знаешь, многие тоже говорили «народ, народ», били себя в грудь, а в итоге... Какое у них было будущее, а?

Через несколько дней я отвез его в Истису, а по окончании отдыха, как обычно, на машине проводил его в Баку.

Прошло несколько месяцев. В феврале 1978 года министерство образования вызвало меня в Баку – нужно было решить некоторые вопросы, связанные с РОНО, где я работал. В одной из гостиниц для меня был забронирован номер.

Во второй день моего пребывания в Баку – это было 2 февраля – ближе к вечеру я вернулся в гостиницу. Уставший, я повесил свое пальто и пиджак в коридоре, а сам присел на диван отдохнуть. В дверь постучали, и я пошел открывать. На пороге стоял незнакомый парень. Он поздоровался, я ответил. Потом попросил разрешения войти, на что я ответил: «Пожалуйста», и он прошел в номер. Мы сели на диван, и после нескольких дежурных фраз, которыми мы перекинулись, я спросил причину его прихода. Он как будто бы смутился и сказал мне следующее:

- Учитель Шамил, неужели вы меня не помните? Я учитель в деревне Сарыдаш. Я еще в районе приходил к вам... Тогда я умолял вас перевести меня в другую школу.

Я вспомнил его и сказал:

- Да-да, сынок, припоминаю. Мы можем решить этот вопрос в Кельбаджаре, и не стоило ради этого ехать так далеко.

Он поблагодарил меня и заверил:

- Извините за беспокойство, но я как раз был в Баку и услышал, что вы тоже тут, вот и решил не откладывать и прийти к вам...

Мне захотелось узнать, откуда он узнал, что я сейчас в Баку, в какой гостинице остановился и в каком номере... Но в этот момент зазвонил мой телефон, и я поднял трубку. Это оказался дежурный по гостинице, который сказал мне:

- Товарищ Аскеров, тут двое людей вас спрашивают и хотят встретиться с вами. Если вас не затруднит, спуститесь, пожалуйста, на первый этаж.

Я попросил у моего гостя прощения:

- Сынок, ты оставайся тут, я пойду посмотрю кто пришел и скоро вернусь. А насчет своей работы несколько не переживай, я вернусь, и мы поговорим.

Не надев пиджак, я спустился на первый этаж, но никого там не увидел. Я спросил у дежурного, и он мне ответил:

- Они только что были здесь. Наверное, вышли во двор.

Я уже не стал куда выходить и поднялся к себе. Тот парень спокойно сидел на диване и ждал меня. Я

сказал ему, что когда вернусь в Кельбаджар, приходи, мол, ко мне, мы решим твою проблему. Он попрощался со мной и в прекрасном настроении ушел.

Сразу после его ухода в дверь снова постучали. Я даже подумал, что он что-то забыл и вернулся обратно. Я открыл: на пороге стояли трое. Это были неприметные и очень просто одетые мужчины, которые бесцеремонно, без приглашения войти и уж тем более без какого-либо приветствия вдруг ринулись в мой номер. Они показали мне свои удостоверения сотрудников министерства внутренних дел и кинулись обыскивать мою комнату. Проверили карманы моих брюк, стали ворошить постель, потом подошли к вешалке, на которой висели мой пиджак и пальто. Сунув руку в карман моего пальто, один из незнакомцев вытащил оттуда 300 рублей, показал их мне и спросил:

- Тебе что, мало тех взяток, которые ты берешь в Кельбаджаре, да, Аскеров?! Ты и здесь не можешь успокоиться?

Я был в шоке и сразу понял, что тот парень, который был здесь совсем недавно, именно он и подбросил мне эти деньги. Меня вовлекли в какую-то грязную игру, и я даже не успел сказать хоть что-то в свое оправдание, как двое из них крепко сжали мои локти, спустили на первый этаж и вывели во двор. Там стоял автомобиль черного цвета, в который меня быстро затолкали, и очень скоро я уже был в здании министерства внутренних дел.

Несколько дней меня держали в мрачной комнате без окон и каждую ночь водили на допросы. Меня допрашивали разные люди, и все они задавали мне такие

вопросы, связанные с моей жизнью, о которых я и понятия не имел.

В одну из очередных ночей меня посадили в закрытую со всех четырех сторон кабину автомобиля и куда-то повезли. Сначала он внезапно остановился, потом я услышал какие-то голоса и лязг металла, после чего автомобиль снова тронулся с места и проехал еще немного. Когда дверь моей кабины открылась, я увидел двух вооруженных людей. Местом, куда меня привезли, оказалась тюрьма. Эти люди спустили меня и, крепко держа за локти, отвели к дежурному. Те, кто меня привез, что-то сказали ему на ухо, попрощались с ним, с ухмылкой посмотрели на меня и ушли.

Я оставался у дежурного не больше двух минут. Туда явились двое мускулистых надсмотрщиков с комплектом арестантской одежды для меня, и дежурный кивком головы велел им отвести меня в камеру. Там, куда меня привели, оказалось шесть заключенных. Трое спали на железных нарах, а трое бодрствовали. Я поздоровался, те ответили, и я присел, погрузившись в мрачные раздумья. Всю мою жизнь, как ленту киноплетки, прокрутил перед своими глазами...

И вдруг я вспомнил слова Гасана Алиева во время его последнего приезда: «Шамил, сынок, тебе что, надоело носить свою голову? Как я посмотрю, тяжеловата она стала для тебя, на грудь, наверное, давит... Ты что, сынок? Послушайся моего совета – пока не поздно, выкинь из своей головы этот курдизм! У тебя, слава Богу, и работа есть, и авторитет, и имя. Ну так и живи себе в свое удовольствие! Чего ты хочешь? Знаешь, многие тоже

говорили «народ, народ», били себя в грудь, а в итоге... Какое у них было будущее, а?»

Но было уже поздно... Караван ушел, а груз остался... Ливень пришел, а род заплакал... И я сказал себе в сердцах: «Эх, Шамил! Кем ты был и кем стал?! Своими же руками сжег свой дом, не смог удержать язык за зубами, разболтал кому не надо свой секрет, вот и попал в такое положение. Открывал свое сердце и душу перед всеми, не различая, где друг, а где враг...»

И мне все стало ясно — за что я здесь и кто запятнал мое имя перед высшим должностным лицом, оказавшимся таким подлым и трусливым.

Через несколько месяцев состоялся мой суд. Тот самый парень, бесстыдно и нагло глядя мне в глаза, сказал: «Шамил Аскеров потребовал у меня взятку в 300 рублей». Он был так смел, потому что за ним стояли государственные руководители... Потом я узнал, что его щедро наградили, и после нескольких месяцев моего ареста он «получил» большую квартиру и купил дорогую машину...

Знаешь, дорогой Бари, в те времена в советском государстве не было «политических заключенных». Если человек делал что-то, неудобное властям, то под разными сфабрикованными обвинениями оказывался в тюрьме. Как и в случае со мной — вся моя «вина» была в курдском патриотизме, а посадили меня за взятку и дали четыре года...

Мне тяжело сейчас вспоминать все те трудности и лишения, которые я перенес в то время. Теперь ты знаешь, за что именно меня посадили...»

Я сильно расстроился и в душе стал себя корить за то, что задал ему тот вопрос и разбередил его старые раны.

Он тоже приуныл и пару раз тяжело вздохнул. Потом перевел на меня уже смягчившийся взгляд и тихо сказал:

- Дорогой Бари, я хочу только одного: чтобы наш народ остался верен тем идеалам и целям, которые еще в глубине веков зародились в сердцах и умах наших предков и настолько сильны, что дошли до наших дней. И чтобы эти идеалы стали путеводной звездой для каждого курда и каждый бы знал, кто он, зачем пришел в этот мир, для чего должен жить и чего хочет! Дорогой брат, все тучи могут развеяться и забыться, но ни честь, ни достоинство не должны быть развеяны и позабыты. Мы слишком долго катились вниз. А родная земля – это тебе и честь, и совесть, и достоинство. И мой мужественный народ никогда не должен допустить, чтобы она была окутана туманом, и для ее освобождения он не должен щадить никаких сил, - и с грустью произнес эти строки:

*Тот, у кого нет Родины,
Тот презираем и бессилен,
Бродяга он, бедняга он,
Без крыльев и без духа,
Всегда в печалях и раздумьях,
И грош ему цена... Подумай!*

Потом Кяк Шамил с горечью, но в то же время с воодушевлением прочел свое стихотворение про Родину «В твоих руках». И когда он произнес последние строчки:

*Ведь всё в твоих руках, курдский народ:
И радость, и свобода, и восход,*

я заметил, как увлажнились его глаза, и он, отвернувшись, постарался незаметно смахнуть слезы.

Как Шамил всей своей сущностью был настоящим курдом – человеком мужественным и большим патриотом. Его самым сокровенным желанием было увидеть независимый Курдистан. Какую бы ни перерезали его вену, вытекшая кровь сама написала бы: «Я – курд!»

Он был готов пожертвовать ради Родины всем, что у него было. И так и сделал... Чем больше и громче слышалось его имя в Азербайджане, тем сильнее страх сковывал душу каждого азербайджанца. Потому что за этим именем им виделся свободный Курдистан и его героический народ, а это больно ранило их сердца.

Имя Шамиля Аскерова живет в сердце каждого курда-патриота. Еще при жизни он воздвиг себе памятник. Его имя будет жить в веках.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВАЗИРЕ НАДРИ

*Как я впервые увидел моего дядю
Вазире Надри...*

Шел 1944 год. Это был самый важный период в ходе Второй мировой войны.

Лишения и голод стали уделом очень и очень многих, в том числе и людей из нашей кочевой общины.

Хорошо помню: мне было 7 лет. Была осень – время, когда наш род возвращался с горных летних пастбищ в свои дома. А жили мы тогда на окраине Еревана, рядом с районом Саритах. Наше кочевое племя было не очень большим и насчитывало 20-25 семей.

Был полдень. В наш район заехала блестящая черная машина. Из нее вышли трое молодых мужчин в чистой, модной одежде. Среди них был очень высокий и красивый мужчина. Он был без головного убора, в брюках и сорочке желтоватого цвета, подпоясан красным поясом и обут в высокие хромовые сапоги. Все наши люди стали подходить к той машине. Туда сбежались и мы, дети, и с

любопытством стали разглядывать и машину, и прибывших.

Каждый из взрослых (я имею в виду мужчин и женщин почтенного возраста), кто подходил к тому высокому незнакомцу, целовал его, а он в ответ целовал им руки. Кто был помладше, сам целовал ему руку, а он, в свою очередь, целовал их в лоб.

Моя мама взяла меня за руку и подвела к этому человеку.

- Это твой мам¹ Вазир, сынок. Поцелуй ему руку, - сказала она.

Я поцеловал, а он улыбнулся, положил свою руку мне на голову, потом наклонился и поцеловал в обе щеки.

Он немного поговорил с собравшимися людьми, потом повернулся к моему дяде Рзго (он и Рзго были сыновьями родных братьев, т.е. приходились друг другу двоюродными братьями) и спросил:

- А как вам живется, дядя² Рзго? Как вы обходитесь в это тяжелое время?

Мой дядя ответил:

- Да стану я тебе жертвой, Вазир, но, как говорится, хуже некуда. Кто должен был умереть, уже помер. Но мы даже не знаем, удастся ли тем, кто пока еще жив, выдержать эту зиму и дотянуть до весны. Зима приближается, а у нас ничего нет: ни места нормального, ни возможностей... Как нам продержаться в этот холод, в

¹ Мам — по-курдски означает «брат отца», «дядя», «родственник».

² В данной ситуации обращение «дядя» обусловлено значительной разницей в возрасте и свидетельствует об уважительном отношении того, кто помоложе, к более старшему (*примеч.переводчика*).

эти морозы, как быть с нашими несчастными, голодными и раздетыми люди, даже не знаю...

После этих слов разговор стал общим и очень эмоциональным. Каждый что-то говорил от себя, и мой дядя Вазир с большим терпением выслушал всех. Когда все стихли, он горячо сказал:

- Вот поэтому, мои родные, я и приехал сегодня сюда. Несмотря на то, что я и так хорошо обо всем знаю, мне нужно было узнать о вашем положении более подробно. Несколько дней назад по этому вопросу я был на одном приеме и встречался с людьми, занимающими высокие должности. Они с удовольствием согласились помочь. Два дня назад я ездил в Давахарав и по поручению властей оказал местным жителям большую помощь. А сегодня руководство послало со мной этих двух уважаемых людей: товарища Петросяна, который занимает очень высокую должность, и товарища Тиграна – главу района Саритах. Ему поручено разместить вас на зимний холодный период в подведомственном ему районе. До самой весны он будет оказывать вам всяческую помощь. А дальше уже вам решать – что и как делать.

После этого дядя Вазир еще немного поговорил с людьми, потом попрощался и уехал.

Этот эпизод очень глубоко запал в мое сердце, и до сих пор я не могу забыть ни его готовность и рвение оказать помощь, ни его внешность – такую красивую и благородную.

Я помню, как отец, беседуя с моей бабушкой, часто говорил о нем вот что:

- Слава Всевышнему, что у нас есть такой защитник. Пусть Бог поможет всем нуждающимся. Видно, он был рожден на этот свет не только для курдов, но и для других наций.

И действительно – когда я читаю написанное этим человеком, все больше и больше убеждаюсь в том, что он был достойным сыном не только курдского народа, но и других народов, оказавшихся в тяжелом положении.

... Была осень 1946 года. Я спал, и вдруг меня разбудил громкий надрывный плач. Я открыл глаза и увидел, как моя мама и бабушка горько плачут (а в то время они часто проливали украдкой слезы из-за моего отца, Алие Паше, который погиб во Вторую мировую войну). Я со страхом посмотрел на них.

Мама подошла ко мне, обняла и сказала срывающимся голосом:

- Сынок, а ты не скажи, что горе снова вошло в наш дом! Снова мы остались без защитника и покровителя! Умер твой дядя Вазир!..

Меня словно оглушили, и я весь задрожал. Сам не помню как, но я закричал во весь голос, потом заплакал. Слезы так и лились из моих глаз, и я не мог остановиться.

Впоследствии вдова Вазире Надри Нуре Полатбекова рассказывала, как во время церемонии погребения известный армянский лингвист Ачарян выступил с незабываемой речью, полной скорби и горечи. А после похорон он не пустил, чтобы вдова и дочь покойного остались одни, и забрал их к себе домой, где они прожили шесть месяцев.

В 1958 году я поступил в Ереванский педагогический институт им.Хачатура Абовяна на азербайджанское отделение филологического факультета. Однажды меня позвал к себе наш декан, профессор Арташес Погосян и спросил:

- Ты какой национальности, сынок?

Я ответил:

- Товарищ Погосян, я курд.

- Ну, если ты курд, тогда я спрошу тебя об одном моем товарище-курде. Может, ты его знаешь, даже встречал когда-нибудь. Тебе знакомо имя Вазире Надри?

Я ответил:

- Товарищ Погосян, Вазире Надри мой родной дядя.

Декан тяжело вздохнул, немного помолчал, потом потер лоб и с голосом, полным глубокого и искреннего сожаления, сказал:

- Очень, очень жаль. Слишком рано ушел из жизни этот образованный и знающий человек. И как только Господь забрал к себе такое сокровище, не пустив, чтобы им наслаждался не только его собственный народ, но и остальные народы во всем мире.

ДОБРО НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

(Воспоминание о Мамаде Слое Бава)

Отцы и деды оставили нам бесценное сокровище — наш фольклор и, в частности, полные глубокого смысла, большого опыта и огромной жизненной философии пословицы. Каждая из них отшлифована, отсеяна от лишнего (будь то слова или мысли) и, словно горящая свеча, передана следующему поколению и призвана освещать ему путь.

Говорят: «Есть люди, которые уходят из дома, а есть люди, которые уходят из рода». Именно таким человеком, но не тем, кто покидает род, а наоборот — является достойным его сыном, и был Мамаде Слое Бава (Мамад Сулейманович Бабаев). Он был сыном не только одной семьи, но и всего рода. Благодаря ему, благодаря его отзывчивости и заботе очень и очень многие без какой-либо посторонней поддержки смогли достичь больших высот и стать достойными и полезными представителями нашего народа.

Одним из таких являюсь также и я. Помню все до мелочей. Было лето 1958 года. Наша семья и другие

родственники ушли на горные пастбища Кызыл Зйарата. Мы, несколько парней, остались в деревне для повседневных работ. С нами был также и мой старший брат Махаммаддин.

Был полдень. Он подозвал меня и с улыбкой спросил:

- Бари, братишка, я очень рад, что ты закончил среднюю школу. Но что ты думаешь делать дальше, какую цель поставил перед собой? Куда пойдешь и чем будешь заниматься? Ты все молчишь и ничего не говоришь об этом.

Я растерянно посмотрел на него, пожал плечами и опустил голову. Потом вздохнул и сказал:

- Ты прав, кяко, я сам не знаю, что делать. Не знаю куда идти и чем заниматься, чтобы выйти на верную дорогу.

Он посмотрел на меня, но ничего не сказал и молча вышел во двор. Я понял, что наш разговор еще не окончен.

Брат был очень верующим человеком. Что бы ни творилось вокруг, он никогда не терял веру и всегда говорил: «Бог милостив, не переживайте, все в его руках. Добро его бесконечно, и он найдет какой-нибудь выход».

Прошло несколько дней. Он снова подозвал меня к себе и жестом указал на место, чтобы я присел. Я сел, и он радостно объявил мне:

- Уже можешь не переживать, брат! С Божьей помощью я уладил твой вопрос на все сто процентов. Ты будешь принят в институт.

И в знак абсолютной уверенности в своих словах он ударил себя в грудь, усмехнулся и добавил:

- И тогда ты сам убедишься в том, кто твой брат!

Я, не веря своим ушам, улыбнулся и отшутился:

- Ты так уверен, кяко, что каждый, кто увидит тебя, непременно скажет: «Наверное, этот человек — руководитель Армении или, по крайней мере, института». Ну, раз ты сказал, тогда можно считать, что дело сделано и все закончено. Когда осенью я подойду к зданию института, учителя сами выйдут ко мне, возьмут под руки, поведут и усадят за парту, а потом скажут: «Добро пожаловать, ты уже студент этого института».

Он снова улыбнулся и, глядя мне прямо в глаза, немного подался вперед и сжал мою руку.

- Братишка, насчет тебя я говорил с таким человеком, влияние которого, пожалуй, не меньше тех, о которых ты сейчас сказал. А как человек, как мужчина, он и вовсе превосходит их во сто крат. Немного потерпи, и ты своими глазами увидишь, на что способен твой старший брат. Но я прошу тебя об одном: не надейся только на мои слова и не тяни до осени! Занимайся как следует, штудируй свои учебники и не теряй время — готовься к экзаменам! Не делай так, чтобы потом мне было стыдно перед этим человеком.

Он походил по дому туда-сюда, потом остановился, потянул меня за рукав и тихо сказал:

- Ну, раз так, тогда пошли!

Мы вышли, сели в автомобиль «Волга» и через несколько часов оказались около одного небольшого каменного дома из туфа. Брат сошел и направился в тот дом, через некоторое время вернулся, с радостным видом открыл дверцу машины и сказал мне:

- А теперь, мой господин, выходи, я познакомлю тебя с этим человеком.

Я пошел вслед за ним, и вскоре мы оказались в комнате, где за большим столом сидел красивый и хорошо одетый мужчина. Когда мы вошли, он сразу встал и пошел нам навстречу.

- Это и есть твой брат, Махаммаддин? – приветливо сказал он. – Валла, видно, ты не зря его хвалил! – и снова улыбнулся (улыбка, несомненно, делала этого человека еще привлекательнее).

Он протянул мне свою руку, и я захотел ее поцеловать, но он не пустил. Потом положил ее на мое плечо и со словами «добро пожаловать к своему дяде» посмотрел мне прямо в глаза и мягко сказал:

- Бари, твой старший брат обо всем мне рассказал. А я его очень уважаю.

Мой брат попросил прощения у него и, повернувшись ко мне, сказал:

- Это именно тот человек, о котором я тебе рассказывал, Бари. Его зовут Мамаде Слое Бава. Ему также говорят «Бабаев». Послушай его внимательно.

Бабаев снова перевел на меня взгляд и спокойно сказал:

- Бари, сынок, ты сможешь сделать так, чтобы мне не пришлось за тебя краснеть? Если чувствуешь, что не справишься, тогда не мучай ни себя, ни своего дядю! Подумай хорошенько и ответь мне прямо и честно.

Я, глядя ему в глаза, твердо ответил:

- Дядя, если бы я не был уверен в своих силах, я не пришел бы сюда и не обратился к тебе с такой просьбой.

Он улыбнулся, снова положил руку мне на плечо и сказал:

- Молодец, сынок, молодец! Курдские сыновья никогда не робели и не отступали перед трудностями. Ну, если ты один из таких, тогда приходи через два дня к своему дяде, но уже один, без брата.

Мы попрощались с ним и ушли. Через два дня, как он и говорил, я пришел к нему. После работы мы поехали в Ереван. Деревня, где он жил, была недалеко от города, и по пути он задал мне несколько вопросов, связанных с разными предметами из школьной программы. Я ответил как мог. Вскоре мы подъехали к дому, огороженному высоким забором. Бабаев постучал в ворота, и нам открыла высокая красивая женщина, которая, увидев Бабаева, издала радостный возглас и громко позвала кого-то: «Али, Али!» К нам вышел мужчина, и они с Бабаевым пожали друг другу руки, широко улыбнулись и обнялись. Потом направились в гостиную, а я вслед за ними. Они немного поговорили, справились о делах, о здоровье, и тот мужчина посмотрел на меня и с улыбкой спросил у Бабаева:

- А кто этот юноша?

Бабаев широко улыбнулся:

- Верно говорила товарищ Далкилиджова, что учителя нетерпеливы. Ведь я тоже два-три года проработал в Казахстане учителем, поэтому понимаю твое нетерпение.

Раздался дружный смех, и было видно, как они рады этой встрече и насколько непосредственны в выражении своих чувств. Через некоторое время жена хозяина дома Флора позвала нас в столовую, где уже был

накрыт стол. Оживленный разговор продолжался и за ужином, а вслед за ним снова перешел в гостиную. Наговорившись, Бабаев встал и под конец обратился к своему собеседнику с просьбой:

- Дорогой Али, этот парень совсем не похож на тех, с кем я до этого тебя знакомил (и только в тот момент я понял, что кроме меня Бабаев приводил к нему и других курдских парней), он достойный и знающий. Еще раз говорю, - и он ударил себя в грудь, - я за него отвечаю. А ты меня знаешь.

Они рассмеялись, и мы, попрощавшись, уехали. В ту ночь я остался ночевать в доме Бабаева. Наутро, после завтрака, он сказал мне:

- Бари, сынок, ты уже знаешь, где живет Али. Через пять дней пойдешь туда, и он скажет тебе все, что нужно. Но я тебя прошу об одном: берись за учебники и не теряй попусту время. С сегодняшнего дня принимайся за подготовку, тебе надо сдавать экзамены.

Через некоторое время с высокими оценками я поступил в Армянский педагогический институт имени Хачатура Абовяна и стал студентом историко-филологического факультета.

Не будь в моей жизни Бабаева, я бы не стал сегодня любимым в нашем народе поэтом.

Да будет земля пухом этому достойному и благородному человеку.

ПО ЧЬЕЙ «ВИНЕ» Я СТАЛ ПОЭТОМ

О нашей сельской школе и моих друзьях детства я уже подробно рассказал в своей повести «Мамочка Вардак и черный камень». Поэтому я не стану здесь повторяться и лучше расскажу об одном событии, которое оставило в моей душе глубокий след, настолько глубокий, что я не могу забыть его до сих пор.

Начиная с первого класса и до самого окончания института, я и мой двоюродный брат (сын дяди по отцовской линии) Гасане Рзго учились вместе, сидели рядом и всегда были неразлучны. К слову сказать: даже до сегодняшнего дня не так много людей воспринимают нас как близких родственников. Если быть точнее, скорее всего, нас считают друзьями, как говорится, не разлей вода. По этой жизни мы прошли через многое и много повидали: и хорошего, и плохого. Конечно, немало эпизодов забылись и стерлись из памяти, но есть такие события, которые, став твоими постоянными спутниками,

рядом с тобой и день, и ночь и даже готовы проследовать за тобой в тот другой, иной и лучший мир.

Я был на год старше него и физически более развит, но во многих других вопросах и житейских делах остро нуждался в нем и его дружеском плече. Гасан был мастером на все руки, и его отличало большое трудолюбие, тогда как я больше тяготел к учебе и наукам.

То, о чем я сейчас расскажу, происходило у него на глазах, хотя я не могу быть уверенным, что Гасан помнит об этом до сих пор. Я же не могу забыть об этом...

Мы учились в 7 классе и, как говорится, уже кое в чем разбирались.

Однажды наш учитель литературы Наджаф Шамаммадов после уроков собрал нас в классе и после краткого внушения относительно необходимости соблюдения дисциплины и правил поведения в школе сказал нам:

- На этот раз вы должны самостоятельно подготовить очередной номер стенгазеты.

Надо сказать, что эту стенгазету всегда готовил и выпускал только он. Ее называли «зеркалом класса», потому что каждый из учеников мог найти в ней то, что говорилось именно про него. Честно говоря, мы недолюбливали эту газету. В особенности это касалось тех, кто неважно учился.

Учитель раздал ученикам материалы, которые должны были быть опубликованы в новом номере: тексты, фото и картинки. У себя он сделал пометки, кому что поручил, и очередь, наконец, дошла до меня и моего друга

Усыва. Он немного посмотрел на нас, потому улыбнулся и сказал:

- Ну а вам я поручаю написать по стихотворению. Не волнуйтесь: пишите как можете, но имейте в виду – в них должны быть убедительно показаны плохие черты характера ваших одноклассников. Я прочитаю ваши стихи, и то, которое мне понравится больше, опубликуем в стенгазете.

К назначенному сроку мы сдали наши работы, и в один из дней нас снова собрали в классной комнате. Учитель приступил к разбору: кратко указывал каждому ученику на недостатки и выражал свое мнение относительно выполненного поручения. Когда настал наш черед (моего и Усыва), учитель посмотрел на нас с широкой улыбкой и сказал:

- Усыв, сынок, честно говоря, я ожидал от тебя большего (Усыв учился на одни пятерки). Но, к сожалению, я не увидел в твоём стихе ничего особенного. Я опубликую в стенгазете стихотворение Бари.

Усыв немного покраснел и понурил голову. Потом вдруг встрепенулся и громко рассмеялся. Учитель спросил, в чем причина его неожиданного веселья, на что Усыв ответил:

- Товарищ учитель, я очень рад, что стихотворение Бари так вам понравилось. Ведь он написал его на нашем языке¹. А что еще ему, бедняге, оставалось делать? Что из себя представляет его язык, чтобы на нем еще и писать?

¹ Имеется в виду на азербайджанском языке (примеч. переводчика).

Кто о нем слышал? Так пусть хоть на нашем языке пишет, может, чего и добьется в этой жизни.

Я был поражен словами Усыва. Откровенно говоря, до того дня я абсолютно не ощущал себя человеком другой национальности. Мы вместе учились, дружили и очень тепло относились друг к другу, словом, были как родные братья.

Но сказанное Усывом словно пробудило меня от глубокого сна. И с того самого дня я дал себе клятву, что выучу родной язык, буду много читать, заниматься и обязательно стану поэтом.

Вот какие недобрые слова моих товарищей в итоге и сделали меня поэтом. И сегодня я курдский поэт, которого знают во всем мире. Поэтому я обращаюсь с призывом ко всем курдским матерям и умоляю их об одном: с самых первых дней разговаривайте со своими детьми только по-курдски. Убаюкивайте их под сладкие колыбельные наших дедов и прадедов и будите их тоже ласковыми курдскими словами. Пусть эти звуки глубоко проникнут в мозг каждого ребенка, и это именно та дорога, которая приведет его к осознанию того, что он Курд по национальности. Пусть он следит за чистотой родного языка, пусть бережет и чтит его.

И в то же время пусть он знает и владеет другими языками тоже. Ведь не зря говорили наши предки: «Сколько будешь знать языков, столько ты и человек».

ДРАМАТУРГИЯ

СЕЙРАН

(Пьеса в трех актах, шести явлениях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РАШО – 52 года, отец Сейран.

РНДЕ – 43 года, мать Сейран.

СЕЙРАН – лет 17-24-х, ученица средней школы. В последующем студентка медицинского университета.

САУТО – 54 года, друг детства Рашо. Отец Миро, но сам Миро в действиях не участвует.

СУРЕН САРКИСОВИЧ БАДИКЯН – 75 лет, профессор в области медицины. Глава приемной комиссии. Преподаватель университета.

1-й ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – 35 лет, Липарит Арамович Даниелян. Кандидат медицинских наук, член приемной комиссии.

2-й ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – 30 лет, Минас Оганесович Мирабян. Кандидат медицинских наук, член приемной комиссии.

ТИТАЛ – 24 года, студент медицинского университета. Однокурсник Сейран.

АСМИК – 24 года, студентка университета.

РУБЕН – 24 года, однокурсник Сейран.

1-й СЕЛЬЧАНИН – сосед Рашо.

2-й СЕЛЬЧАНИН – сосед Рашо.

АЛИ – 50 лет, отец Титала, полуграмотный.

РЕБЕНОК – сын соседа Рашо.

ГРУППА ДРУГИХ СЕЛЬЧАН – участники событий.

Вместе с Сауто приходят в больницу.

АКТ ПЕРВЫЙ ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Занавес медленно поднимается.

Дом Рашо. Обставлен в соответствии с народными обычаями. Перед стером постелен войлок, на нем несколько тонких матрасов и маленьких подушек. Рашо и Рнде сидят, прислонившись к подушкам. В одном углу стоит Сейран и плачет. Утирает платком слезы.

Рашо – *(Раздраженно)*. Замолчи! Ты такая же дрянь, как и она *(показывает на Рнде)*. Да! И не надо так убиваться. Я отец, а отцы, как известно, плохого своим детям не пожелают. Клянусь Всевышним, Миро очень хороший парень. Он вырос у нас на глазах. Ты что, не соображаешь? Зачем придираешься? Я хочу, чтобы ты была счастливой, чтоб семья у тебя была, чтоб дети были.

Всем на зависть. Уже все решено, доченька, я дал слово. И не сходи с ума. *(Подходит к ней и гладит по волосам)*. Дочка, не иди наперекор отцу. Отцы и деды говорили: «Умный теленок двух маток сосет, а глупый с голоду поддыхает».

Сейран – *(С плачем)*. Отец, ведь я хочу учиться. *(Закрывает лицо руками и всхлипывает)*.

Рашо – *(Сердито)*. Опять она об учебе! *(Смотрит на Рнде)*. Дрянь такая! Это все ваш род и твои проделки! Надо же – дожил до того, что собственная дочь так отвечает. Но ничего, скоро и до тебя дойдет очередь. Я так и знал, что так будет! Ведь говорил, что учеба ей ни к чему. А ты: нет, мол, пусть учится, пусть ходит в школу и не отстает от своих подружек. А сейчас давай, расхлебывай! Эх, готов оторвать тебе голову! Ведь ты всегда мешала моим планам. *(Рашо взмахивает руками в сторону обеих женщин)*. Запомните мои слова – если не будет по-моему, вам обеим отрежу головы тупым ножом! *(В бешенстве начинает ходить из угла в угол)*. И пусть тогда весь род увидит и узнает, кто я *(тяжело вздыхает)* и чей я сын!

Рнде – *(Жалобным голосом)*. Зачем так сердиться, божий человек? Что такого плохого я сделала? Да и что есть в моих силах? Ты отец, вот и поступай так, как считаешь нужным. Вот когда я стану возражать, тогда и отрежь мне голову. И кровь моя будет на твоей совести и на совести твоих приспешников. Чего ты от меня хочешь?

Рашо – *(С криком подходит к ней)*. Хватит, замолчи! Этим своим языком ты разрушила мой дом и вогнала меня в такое положение, когда мой же ребенок

стоит передо мной и говорит мне «нет»! Мои слова для нее ничего не значат. Горе мне, горе! И это все ваш род! Если немного ослабишь хватку, вы и Бога позабудете. Эх, куда подевались старые времена, когда и стыд был, и уважение... А что сейчас? Все ушло, пропало бесследно! Видно, не зря предки говорили: «Придет такое время, когда младшие не будут спать, невестки перестанут стыдиться, а на рынках закончатся ткани». Действительно, такое время как раз настало. Ну, иди и борись с этим!

Рнде – *(Про себя)*. Да что такого случилось, что ты готов просто треснуть? Убиваешься, дыхание перехватывает... Когда я вмешивалась в твои дела? И не стыдно так клеветать на меня? Всю жизнь только и мучаюсь рядом с тобой, а теперь и к ребенку моему пристал. Делай что хочешь, только отстань от меня. И пусть Бог не даст тебе своего благословения.

Рашо – Да, я мужчина. И хозяин своего слова. Я дал слово, и я его сдержу. *(Заткнув себе руки за пояс, в раздражении ходит по дому туда-сюда)*. Никто мне не указ. Я сам знаю, что и как мне делать, и точка!

Рнде – *(Про себя)*. Скажите на милость, какого мы о себе мнения. Надо же, как осмелел, как возомнил о себе, о храбрости и геройстве говорит... «Говорит кастрюля: «У меня дно золотое». А черпак ей в ответ: «А я откуда иду?»». Ну да, этот человек свое мужество давно на мне испытал. *(В этот момент слышатся голоса. В дверь стучат. Сауто и несколько сельчан заходят в дом)*.

Сауто – *(Смеется)*. Дорогие хозяева, можно войти?

Рашо – *(Радостно)*. Конечно, конечно, заходите, мои дорогие братья, этот дом – ваш дом. Пусть всегда

такие гости, как вы, приходят ко мне домой. *(Поворачивается к Рнде)*. Давай, женщина, займись делом. Я сказал много, но услышала ты мало. *(Обращается к Сейран)*. Ну а ты, доченька, перестань плакать, стыдно. Не позорь меня перед людьми. Послушай, лао¹, у парня нет никаких недостатков, он замечательный. В год покупает 40-50 ягнят и овец и не беспомощен, как многие теперешние молодые люди. *(Кладет руку Сейран на плечо)*. Если послушаешься своего отца, не пожалеешь. Всю жизнь будешь жить в достатке и без забот. *(Сейран плачет и уходит)*.

Сауто – *(Смеется)*. Что ты снова шепчешься, Рашо? Знаю, что ты любишь свою дочь, но разговаривай так, чтобы мы тоже тебя слышали. Да будет благословен твой дом, мы пришли за ответом. Ты ведь сам меня звал, не так ли? Как в пословице говорится? «Непрошенные гости садятся там, где не подметено». Так имею ли право я, как человек приглашенный, сесть туда, где чисто и убрано?

Рашо – *(Смеется)*. Алейкум ассалам! Для таких гостей, как ты, место в моем доме всегда найдется. Добро пожаловать, дорогие гости! Пожалуйста, приходите, садитесь, где вам нравится. *(Сауто и люди, которые с ним пришли, садятся на войлок и опираются локтями на подушки. В этот момент Рашо быстро идет к двери)*. Брат Сауто, прошу вас, пожалуйста, немного подождите, скоро все будет готово.

Сауто – *(Встает со своего места, подходит к Рашо и, взяв его за локоть, подводит к гостям)*. Брат

¹ Лао – ласковое обращение к младшим.

Рашо, не стоит беспокоиться, валла, ничего не нужно. Мы же не чужие, ведь каждый день видимся. Даст Бог, этими делами займемся потом, а сейчас нам надо решить наш вопрос. И пусть эти люди, которые пришли со мной, порадуются вместе с нами.

Рашо – *(Смеется)*. Конечно, конечно, брат Сауто. Ничего нет слаще веселья и радости. Я мужчина и сын мужчины. Раз я дал слово, значит, вопрос решен. И теперь уже как твое сердце захочет: хочешь – радуйся, хочешь – танцуй. Я свою дочь отдаю твоей семье, и все! *(Он и Сауто обнимаются и смеются)*.

Группа сельчан – *(Все вместе)*. Молодцы, молодцы! Человек всегда был верен данному им слову. Дорогие сваты, пусть Бог благословит эти ваши родственные узы. Приятно было смотреть на вас и слушать ваш разговор. И нет нужды откладывать на потом, обсуждать что-то еще... Ведь дело, основанное на правде, самому Богу нравится. Молодцы, вы и правда молодцы!

Сауто – *(Открывает свой мешочек, достает кольцо и головной платок и показывает людям)*. Уважаемые присутствующие, а это в знак обручения. Брат Рашо, скажи, пусть приведут мою невестку. Я должен дать ей эти вещи.

Рашо – *(Улыбается)*. Дорогой мой брат Сауто, не сочти за труд, встань и пройди в соседнюю комнату. Позови свою невестку и вручи ей знаки обручения. Возьми ее за руку и приведи сюда. А мы поздравим вас. Сегодня площадь в твоём распоряжении, так что действуй. Ну же, смелее...

Группа сельчан – *(Все вместе)*. Он прав, Сауто. Иди туда и заканчивай свое дело. Давай, вставай и иди!

Сауто – *(Встает, и уходит в другую комнату, но там никого нет. Быстро возвращается обратно и громко говорит)*. Рашо, Рашо, разве в той комнате кто-то есть, что ты посылаешь меня туда? Клянусь, там никого нет! Ни одной живой души!

Рашо – Сауто, да хранит Бог твоих сыновей, как это никого нет? *(Быстро направляется к двери, открывает и заглядывает в соседнюю комнату. В ужасе возвращается обратно, смотрит Сауто в глаза и кричит)*. Нет, нет, разве может такое быть?! *(В этот момент заходит Рнде, и Рашо кричит на нее)*. Ты, недостойная, где твоя скандальная дочь? Куда ушла? Давай, поторапливайся и найди ее! Хоть из-под земли, но найди! А не найдешь, истреблю весь твой род. Мне только этого не хватало!

Рнде – *(Про себя)*. Откуда мне знать, где наша дочь? Лучше спроси у себя, чего меня спрашиваешь? Сам виноват, теперь и отвечай за всё.

Рашо – *(Сердито)*. Ах ты дрянь! Как это ты не знаешь, где твоя скандальная дочь? А кто будет знать? Хватит морочить мне голову, быстро отвечай – где она? Позови, пусть придет! Тут люди ее ждут, надо дело довести до конца, и не нужно лишних разговоров. Не то я, знаешь, что сделаю?!

Ребенок – *(В этот момент заходит ребенок)*. Дядя Рашо, я знаю, куда пошла Сейран. Она несла чемодан, потом села в белую машину и уехала в сторону города. *(Ребенок быстро уходит со сцены. Люди смотрят друг*

другу в глаза, начинают шептаться и поглядывать на Рашо. Рашо опускает голову и стыдится поднять глаза).

Рашо – *(Обращается к Рнде). Это все ты, дрянь! Ты со своей скандальной дочкой, вы обе меня опозорили. Меня, в таком возрасте, опозорили и сделали посмешищем... Убью тебя!!! (Хочет наброситься на Рнде. Вдруг его охватывает сильный приступ кашля, весь дрожит и падает на колени. Кричит изо всей мочи). Люди! Раз так, можете убить ее тут же, где она вам встретится! Я не стану никого останавливать и поцелую в лоб того, кто это сделает! (Снова кашляет. С трудом переводит дух и тяжело вздыхает).*

Люди медленно уходят со сцены.

Занавес опускается.

Сцена погружается во тьму.

АКТ ПЕРВЫЙ ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Занавес поднимается. Открывается сцена.

Профессор Бадилян, Гамлет и Липарит сидят. **Напротив них за партами** сидят **Сейран** и две другие девушки, перед ними бумаги и карандаши. Идет вступительный экзамен по химии для поступления в медицинский университет.

Преподаватели о чем-то перешептываются и поглядывают на абитуриентов.

Сейран – *(с некоторым смущением поднимает руку)*. Можно, товарищ преподаватель?

Профессор – Да, конечно. Пожалуйста, доченька, мы тебя слушаем.

Сейран – Я готова отвечать на свои вопросы.

Профессор – *(Улыбается)*. Раз так, пожалуйста. Все ворота науки открыты перед теми, кто имеет знания. Наука основывается на истине. Не стесняйся, проходи вперед, мы тебя слушаем.

Сейран – *(Пересаживается за первую парту, читает вслух вопросы своего билета)*. Вопрос первый: образование кислотных оксидов. *(Встает, подходит к доске и пишет реакцию и формулу: $SO_3 + H_2O = H_2SO_4$)*. Надо отметить, что этот очень важный кислотный оксид получают в лабораторных условиях, и он отправляется во все уголки страны, чтобы... *(хочет продолжить, но ее перебивает профессор)*.

Профессор – Сейран, доченька, хватит. Ты верно написала реакцию и формулу. Я очень доволен твоим ответом. *(Обращается к обоим преподавателям)*. А вы довольны или нет?

1-й преподаватель – Скажи, Сейран, в каких областях жизни используется кислота? Раз ты ее так хвалишь, то скажи: какую она играет роль?

Сейран – Без этой кислоты аккумуляторы не работают. А без них остановится любая техника. А с ними и жизнь.

1-й преподаватель – *(С удовлетворением)*. Очень хорошо, я с тобой согласен. Молодец. Видно, ты хорошо занималась.

2-й преподаватель – Сейран, в этой формуле (*показывает на доску*) какова должна быть валентность серы, чтобы при соединении с ней кислота растворилась бы?

Сейран – Валентность серы должна быть равна шести. По-другому не может быть. Но...

Профессор – (*2-му преподавателю*). Ты доволен ее ответом или у тебя еще есть вопросы?

2-й преподаватель – Нет-нет, товарищ профессор, она зрит в корень. Она сказала именно то, что было нужно. Я очень доволен ее ответом.

Профессор – (*Доброжелательно*). Может, у вас еще есть вопросы? Пожалуйста, задавайте.

Оба преподавателя – (*Вместе*). Нет-нет, товарищ профессор, все в порядке, мы довольны. Как считаете нужным, так и продолжайте.

Профессор – (*Обращается к Сейран*). Переходи, доченька, ко второму вопросу, мы тебя слушаем.

Сейран – (*Читает билет*). Какова роль кислорода в быту? Для чего он нужен?

Профессор – Давай, доченька, мы слушаем. По правде говоря, как ты говоришь и твое имя мне очень по душе. Они словно переносят меня в далекие времена. (*Потирает свой лоб*).

Сейран – (*Тихо*). Кислород в быту является очень полезным и распространенным элементом. Он проявляет себя как в свободном виде, так и в сочетании с другими элементами. В воздухе его содержится 21 процент. В воде – 88-89 процентов. Химическая формула воды H_2O (*пишет*

на доске). Жизнь невозможна без кислорода. Все живые существа живут этим. Но...

Профессор – Хватит, доченька. Ты права – без кислорода нет жизни. *(Тяжело вздыхает)*. Сейран, доченька, я очень доволен твоим ответом. *(Обращается к обоим преподавателям)*. А вы довольны или нет? Может, у вас есть вопросы? Пожалуйста, задавайте.

Оба преподавателя – *(Вместе)*. Товарищ профессор, дорогой наш учитель, если вы довольны ответом, мы и подавно довольны.

Профессор – Ну, если вы довольны, я уже не вижу необходимости отвечать на третий вопрос. А вы как думаете? *(Они поднимают руки в знак согласия)*. Сейран, доченька, хватит. Давай свои документы. *(Ставит пятерку, подписывается. Оба преподавателя также подписываются. Возвращает документ Сейран, она хочет уйти)*. Нет, доченька, не спеши. С сегодняшнего дня ты можешь считаться студенткой первого курса медицинского университета. Я тебя поздравляю. *(Усаживает ее рядом с собой)*. Ты разбредила мои старые раны. Она тоже была такая как ты – такой же внешности, такого же роста. *(Кладет ей руку на плечо)*. Знаешь, дочка, я жил в провинции Ван. В нашей деревне жили курды и армяне. Наши родители были друг другу хорошими соседями. Крепко дружили и мы, дети: вместе шли в поле собирать съедобные травы, по вечерам играли в прятки. *(Тяжело вздыхает)*. Мы жили по соседству с семьей дяди Ало, у него была дочь по имени Сейран, моя ровесница. Мы с ней очень дружили, и старшие не были против нашего общения. Мы дали друг другу слово, что...

Но однажды вечером в нашу деревню пришло много турецких солдат. Это был 1915 год. Они подожгли несколько домов и убили множество невинных людей. Никто не знал, почему они так делают и кто их послал. В тот вечер много наших сельчан оставили свои дома и ушли. Наша семья тоже пустилась в бегство, и после многих трудностей, спустя годы, мы, наконец, достигли Советской Армении.

С тех пор я ни разу не встречал Сейран. Не знаю, что с ней стало, где она, жива ли... После тех событий я больше ни с кем не дружил. Я и сейчас жду ее. *(Тяжело вздыхает)*.

Сейран – *(Улыбается)*. Товарищ профессор, наверное, в вашем сердце было какое-то чувство к ней, раз вы до сих пор не можете ее забыть и ждете ее?

Профессор – Эх, Сейран, доченька, в наше время курдянка была очень угнетена. У нее не было никаких прав, ей многое не позволялось. Между отношением к ней и к какому-нибудь домашнему животному не было никакой разницы. Но сейчас... *(С радостью)*. Честь и хвала твоему отцу. Иди и приведи его ко мне. Валла, я поцелую его лоб, потому что благодаря такому, как он, сегодня ты пришла сюда и стала такой, как сейчас. *(Сейран с грустью смотрит на профессора, тот смеется)*. Ну, иди же, не стесняйся...

Сейран – *(Расстроенная)*. Товарищ преподаватель, я пришла сюда одна, вопреки желанию своего отца. Братьев у меня нет, а сестры еще очень малы. *(Всхлипывает)*. Отец хотел силой выдать меня замуж, и я

убежала из дому. Я больше не вернусь туда, отец меня убьет.

Профессор – *(Встает со своего места)*. Я восхищен твоим мужеством, дочка. В истории нет более героической женщины, чем курдянка. Она всегда вместе со своим мужем или же с отцом и братьями воевала против врага. Как гласит пословица: «Лев есть лев – будь то львица или лев». Раз так, то хотя бы ради имени Сейран – а наши предки вместе делили хлеб и соль – с сегодняшнего дня считай меня своим отцом. Я тебе отец, а ты мне дочь. Я подарю курдам, этому многострадальному народу, первого врача-женщину. *(Берет ее за руку)*. Вставай, доченька, и не переживай. «Есть Бог, и нет места горю». Все в этой жизни может быть, но на то людям и дан разум и терпение. *(Сейран встает и уходит со сцены. Профессор смотрит ей вслед)*.

Занавес медленно опускается. Сцена погружается в темноту. Слышатся разные голоса.

АКТ ВТОРОЙ

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Открывается занавес. Сцена освещена. Сейран и Асмик, одетые в белые халаты, сидят на длинной скамье. В руках раскрыты книги. Сейран очень расстроена. Асмик смотрит на нее с улыбкой.

Асмик – Сейран, сестра моя, хватит так убиваться. За столько лет я ни разу не увидела улыбку на твоём лице. Все время в раздумьях, в переживаниях. Неужели твои проблемы не закончились? Слава Богу, мы заканчиваем университет, те долгие и важные годы остаются позади. А мне что говорить, если после смерти моих родителей я выросла в детдоме и у меня никого нет? Ведь скоро у нас будет и дом, и работа, и дети, и должность. Вот увидишь: когда устроюсь на работу, буду расхаживать вот так, важно-важно. *(Делает несколько шагов с гордой осанкой. Сейран смеется)*. Я буду сердиться и строго смотреть на подчиненных. Они будут перешептываться между собой. Я буду отдавать им распоряжения, а они будут их выполнять. А ты?.. Почему так печалишься?

Сейран – *(Расстроенная)*. Асмик, моя хорошая сестренка, ты права. Но... Ну, что мне сказать? Хоть бы меня вообще не было на этом свете и не пришлось бы испытать столько боли и горечи. Ведь всем известно – нет ничего слаще родителей. А я давно оказалась лишена этого сладкого вкуса.

Асмик – *(С недоверием)*. Видно, ты не до конца была откровенна со мной, Сейран. Много чего утаила от меня. Ты думаешь, что я глупая, да? Столько доверила тебе своих секретов, как говорится, рассказала все как на духу...

Сейран – *(Обнимает ее)*. Не сходи с ума, дурочка. Мы же сестры. Сначала выслушай меня внимательно, а потом уже злись.

Асмик – *(Подавленная)*. Вот уже шесть лет, как мы живем в одной комнате и учимся на одном курсе. Откровенно говоря, если бы не ты и не Титал, я бы никогда не дала бы Араму слово, более того – я никогда его не полюбила бы. И знаешь, зачем? Я очень уважаю Титала и считаю его своим братом. Я сдержала данное вам обещание. После окончания университета вы с Титалом будете работать в одном месте. Чего тебе еще надо? *(С грустью)*. Ведь ты хорошо знаешь, что у меня никого нет, кроме Арама. Эх, Сейран, Сейран, ты опять разбредила мою рану. А мне что делать? Кому, кроме Арама, радоваться?

Сейран – Послушай, мои отец и мать оба живы. Но я...

Асмик – Кто знает, что в этой жизни может случиться. А вдруг тебя и Титала пошлют в ваши районы? Говорят, там врачей мало. А твои родители увидят тебя и обрадуются. Сначала примут вас, потом сыграют свадьбу. Их может ждать много чего хорошего и нового. А дальше ты сама знаешь, как и что может быть.

Сейран – *(Вытирает слезы)*. Асмик, сестра моя, ты права. Бог дал мне родителей, но плохие люди оторвали нас друг от друга.

Асмик – *(Торопливо)*. Но зачем, зачем? Валла, ты снова от меня что-то скрываешь! Ну, скажи мне наконец-то, а то у меня не выдержит сердце. Умоляю, выражайся понятнее, чтобы я могла хорошо тебя понять.

Сейран – Подожди немного, потерпи. Я тебе сегодня все расскажу. Я на них обиделась, а они на меня. За столько лет мы ни разу друг друга не видели. После того, как я закончила среднюю школу, мой отец не хотел,

чтобы я продолжала учиться дальше. Он хотел выдать меня замуж за одного неграмотного парня из нашей деревни. Кроме пастушества он ничего не мог делать, и поэтому я убежала из дома. Моя мама два раза посылала мне через наших сельчан деньги, но я не взяла. Каждое лето я работаю на ткацкой фабрике.

Люди с нашей деревни говорят, что родители мои постарели и нездоровы. А что мне делать, ведь я не виновата. Виноваты наши отсталые традиции, именно из-за них мои родители попали в такое положение. Вот уже шесть лет, как профессор Бадилян считает меня своим ребенком, и это действительно так. Иногда он берет меня с собой в гости к своим друзьям и представляет им меня как свою дочь.

Асмик – *(С обидой)*. А ведь я права была, Сейран! Ты до сих пор ничего об этом мне не говорила. А что, у профессора нет детей, раз он стал считать тебя своим ребенком? Он что, одинок?

Сейран – Да, у профессора нет семьи. В его сердце живут воспоминания о стольких печальных событиях, что если их опубликовать, выйдет много толстых книг. Да, сестра моя, нам пришлось пережить многое. А знаешь, профессор всегда говорит: доченька, как ты закончишь университет, я приду в гости к твоим родителям и познакомлюсь с ними. Буду играть со своими внуками, буду радоваться им... Разве есть что-то слаще этого?

(В этот момент с края сцены доносится смех. Появляются Титал, Арам и Рубен и подходят к ним. Титал смотрит на девушек и смеется).

Титал – *(Держит Арама за руку)*. Ого, брат Арам, вон они где, эти голубки и лани из прекрасного сада! Теперь нам уже не надо искать добычу. Я сейчас им покажу. *(Грозит им пальцем, и все смеются)*.

Арам – *(Хватает Титала за руку)*. А когда я тебе говорил «следуй за мной», ты не хотел. А вот и они. *(Смеется)*. Что ты просил у Бога, он то и дал тебе. Чего еще тебе надо? Как хочешь называй ее – голубкой ли, газелью ли... Это уже твое дело. Ну, что ты на меня смотришь? Иди вперед, шагай! *(Подталкивает Титала к девушкам и смеется)*. Валла, Рубен тоже такой, как ты! Да разве есть что-то слаще этого момента?!

Рубен – *(Очень грустно)*. Дорогие братья, зачем вы меня так расстраиваете? Неужели трудно понять, что после двадцати пяти лет человек уже не может жениться? Та девушка, которая раньше очень нравилась, уже не кажется такой красивой... Клянусь, в течение одного только часа в голове проносятся тысячи мыслей. Перед глазами туман, кидаешься из стороны в сторону, не знаешь, как найти выход. Эх, все к черту! *(Почесывает затылок. Все смеются)*.

Сейран – *(Смеется)*. Ах вы бедняги, а ну-ка скажите мне: кто дал вам право так свободно рассуждать о таких вещах? Хватит издеваться над бедным парнем. Может, хотите этого отведать? *(И показывает им кулак)*. Клянусь, поколочу вас так, что сделаю мягче теста. Говорите, да не заговаривайтесь!

Арам – *(Подмигивает Асмик)*. Ты знаешь, Асмик, Сейран снова рассердилась. Слушай, давай, пока мы еще

живы, убежим из этого огня, а то сгорим раньше всех!
(Берет Асмик за руку, и оба хотят уйти).

Сейран – (Смеется). Нет уж, хитрецы, идите-ка своей дорогой. А ты куда, подруга? Иди сюда и не вздумай уходить с ними. Мы их сюда не приглашали и красные яблоки за ними не посылали. Вот пусть и идут туда, куда шли. (Смеются).

Рубен – (Грустно смотрит на них). Да уж, ничего не скажешь, умники, да и только. Клянусь отцом, видно, дела у вас в полном порядке, поэтому и рассуждаете так уверенно. Что мне среди вас делать? (Уходит со сцены).

Асмик – (Встревожено). Тише! Говорю вам, тише! Профессор сюда идет! (Все смотрят на Асмик).

Титал – И где он? Ну, где же он? Ну и испугала ты нас!

Асмик – (Показывает пальцем в сторону). Вот он... Прямо идет сюда. (Увидев его, все спешно уходят со сцены).

Профессор – (Показывается на сцене. Останавливается, тяжело вздыхает). Эх, молодость, молодость. (Немного молчит). Правду говорили предки: «Юность – цветущая роза, а старость – черный день». Идите, идите, мои цветущие и увядающие розы. И дай вам Бог счастья.

Занавес опускается. Слышится музыка. Певец поет песню «Одинокая Гуле» (“Gulê merûmê”). Сцена погружается в темноту.

АКТ ВТОРОЙ

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Звуки музыки становятся громче. Занавес медленно поднимается. Сцена освещается мягким светом.

Дом Рашо. Обставлен в соответствии с народными обычаями. Яркий рукотканый ковер развешен на стене. Расстелен войлок, на нем несколько подушек. Рашо сидит, облокотившись на подушку. Очень тяжело дышит. Кашляет. Иногда вздыхает и стонет.

Сауто, Рнде и несколько человек сидят рядом. Рнде утирает платком лоб Рашо и протягивает ему кружку воды.

Рашо — *(Кашляет, сердится, отталкивает руку жены. Потирает свой лоб)*. Ну и времена настали! А ведь это ты опозорила меня перед всем родом. *(Некоторое время сидит молча)*. Брат Сауто, у меня сердце готово лопнуть. Ну, что мне делать? Нет, я сам во всем виноват. В свое время упустил многое, а нельзя было. Мне нужно было показать свой характер, когда она была еще маленькой. Нужно было ей по одному выдернуть все зубы, чтобы она знала, кто перед ней стоит и на что способен. Нет, я уже не повторю ту свою ошибку. Если я встану, им не поздоровится. А если не встану, для них же лучше, пусть благодарят Бога. *(Хочет встать)*.

Сауто – Рашо, Рашо, прошу тебя, не надо столько себя мучить! Как так можно, ты ведь болен, а больному покой нужен. А ты опять за свое... Как гласит пословица, «Стена обрушилась, пыль поднялась». Все уже закончено! Ну, захотели мы тогда решить тот вопрос, ну, не получилось, и что теперь делать? Я уже женил своего сына, слава Богу, у меня уже двое внуков. Лично я очень благодарен Всевышнему.

Рашо – *(Сердито)*. Эх, уважаемый, никто бы этого не вынес, что пришлось испытать мне. Такого горя не пожелаю испытать никому, даже своему врагу. Только смерть сможет избавить меня от этих мучений. Переложить мое горе на камни, и те не выдержали бы и треснули, а я?.. О Боже, Боже! *(Кашляет, Рнде пытается дать ему воды, но он отталкивает кружку)*. Нет, это все твои проделки. Что, добилась, чтобы я слег, а теперь меня жалеешь, да? Клянусь, меня не проведешь!

Рнде – *(Про себя)*. Так и сиди с этим горем в сердце. Уже кровью харкает, проклятый. *(Вздыхает)*. Своими жалобами, охами и ахами вогнал меня в такое положение. Превратилась в настоящую столетнюю старуху. Ребенок мой Бог знает где. Если со мной всю жизнь так обращался, то что уже говорить о моем ребенке? Ты и куска хлеба не давал нам спокойно поесть. Мы только и знали, что исполнять твои бесконечные приказы. Ни нас, ни соседей не мог оставить в покое. Ты всегда был таким, таким и умрешь. Не зря предки говорили: «Горбатого могила исправит».

Рашо – *(Громко)*. Замолчи, дрянь такая! *(Ударяет себя рукой в грудь)*. Если бы не это тело, что бы сейчас с

тобой стало? Ты что, забыла? Каждый день слезы, обиды, то да се! День здесь, десять дней у своего отца дома! Ох уж этот ваш род, как я настрадался от него! Сколько вы нанесли мне ран, сколько ран... Если бы Бог дал вам крылья, вы бы перевернули весь мир! «Бог видит гору, посылает на нее снег». Мало вам, с вами еще не то должно случиться!

Рнде — *(Тихо)*. И как только ты не треснешь. Смотри-ка, как хвалит себя, не нахвалится.

Сауто — *(Недовольно качает головой)*. Рашо, я тоже знаю, как она опозорила нас перед всем родом. Но что делать? Ну, что ты хочешь от той несчастной? Наверное, не надо было ее так любить. Видишь, что показало время?

Рнде — Да стану я ей жертвой, именно так и нужно было ей поступить. Если бы она осталась, сколько ей пришлось бы вынести от него? «То, что делают руки, не сделают даже отец с матерью». Мы еще увидим, кто был прав, а кто нет, и каждый получит то, что заслужил.

Рашо — Нет, нет, дорогой Сауто, я что, пацан какой-то: сегодня дам слово, а завтра передумаю? Я зарекся: пока я жив, ноги ее в этом доме не будет. Я за собой такого долга не оставляю. Живой она от меня не уйдет. Не пущу, чтобы она разгулиwała по этому свету и что хотела, то и делала бы! Не пущу осуществиться ее мечтам! А род еще узнает, кто я такой и чей сын!

Сауто — *(Обоим)*. Нашли время ругаться! Остановитесь и придите в себя. *(Миролюбиво)*. Может, она еще одумается, Поймет, что ошиблась и вернется на верный путь. Может, она уже думает об этом. Потерпите

немного. Раз не получилось с Миро, пусть получится с Суто (*Смеется*).

1-й сельчанин – (*Миролюбивым тоном*). Брат Рашо, как говорили наши предки, «Вернуться с полдороги еще не поздно». Клянусь Богом, Сауто правильно говорит. Вы же с Сауто такие хорошие друзья. Мы своими глазами видим, сколько лет вы дружите, словно два родных брата. Всегда рядом, всегда вместе. Даже не все братья бывают между собой так близки, как вы. А ведь Сауто верно сказал, и пусть так и будет: не Миро, так Суто. Ну, какая разница? Если так смотреть, то Суто даже лучше Миро. Во-первых, он красивее. Во-вторых, если Миро и близко к школе не подходил, то Суто хотя бы проучился немного, по крайней мере 2-3 класса, а это уже огромный плюс.

2-й сельчанин – Дядя Рашо, я согласен с желанием дяди Сауто. Человек дело говорит. Ну, какая разница, какому брату отдать дочь? Не стала долей Миро, пусть станет долей Суто. Кто посмотрит на разницу в несколько лет? Как гласит пословица, «Невеста уже на коне, и никто не знает, чьей судьбой она станет».

Рнде – (*Удивленно*). Вы вообще понимаете, о чем говорите? Или совсем разум потеряли? Как это: раз не тот, значит этот? А что люди скажут? Про честь, мужество говорите, не можете собой нахвалиться, еще немного – и вознесетесь на вершину горы Каф. А на самом деле несете всякую чушь! Но я уже не та, которая раньше боялась хоть слово сказать. Клянусь, я так опозорю вас перед всем родом, что даже собаки не станут есть из ваших рук!

Рашо – (*Громко*). Замолчи, дрянь такая! Говори, да не заговаривайся! Закрой свой рот, я еще жив и только я

здесь хозяин! И я не давал тебе право, чтобы ты так раскудахталась. Сиди и молчи. Я отец и как захочу, так и сделаю.

(В этот момент слышится звук подъехавшего автомобиля. Две девушки и один мужчина в белых халатах и с медицинскими чемоданчиками в руках показываются на сцене. Все удивленно смотрят на них).

Рашо – *(Удивленно)*. Кто это, Сауто? Кто их позвал? Наверно, это снова твои проделки! Да-да! Но я скорее умру, чем ступлю ногой в эти их больницы! Бог дал только одну душу, и когда пожелает, тогда и заберет ее обратно. И не к чему все эти больницы, врачи. Так что, брат мой, не надо так утруждаться. Мужчина говорит свое слово только один раз. Я никуда не поеду, поэтому прошу тебя, убери их отсюда, чтобы глаза мои их не видели. Не то у меня лопнет сердце. Прошу тебя, поторапливайся.

Сауто – *(Мирнолюбивым тоном)*. А ты такой же упрямый, как всегда. Ты что, не помнишь нашу пословицу: «Бог дал боль и горе, дал и лекарство от них»? Перестань, ведь в больницах не едят людей, и тебя не съедят. Хватит, вставай, одевайся и пойдем. Там ты подлечишься и здоровым вернешься домой. Не переживай. «Раз есть Бог, то печалей нет». *(Смеется)*. А я принесу в жертву белого, откормленного и черноглазого барана. Поедим мяса, выпьем и потанцуем. Умоляю тебя, вставай и одевайся, да побыстрее. Врачи тебя ждут.

Занавес опускается. Сцена не видна.

Музыка становится громче.

АКТ ТРЕТИЙ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Занавес открывается. Видна сцена, музыка звучит громче. Певец поет песню «Давреше Авди». Рабочий кабинет Сейран. Сейран, несколько девушек и парней в белых халатах сидят на стульях. Среди них также Титал.

Сейран – *(Поднимает голову, тяжело вздыхает. Мягким голосом)*. Вы все приготовили для того больного, который должен прийти? Прошу вас, сделайте так, чтобы он второй раз на меня не обиделся. Титал, поручаю это ответственное дело тебе. Я знаю, ты сделаешь все как надо. *(Смеется)*. Кстати, а ты случайно не знаешь, кто тот больной?

Титал – *(Улыбается)*. Тебя послушать, так я знаю всех людей в вашем районе. А я, кроме тебя, ни с кем больше не знаком. Говори яснее – что тебе нужно.

Сейран – *(Смеется)*. Ладно-ладно, не будем сейчас об этом. Потом узнаешь, что это за больной. Потому что как узнаешь, от меня не отстанешь. Ну, вставай, иди, у тебя много дел. И постарайся сделать так, чтобы мне не было стыдно.

(Раздается протяжная сирена медицинского автомобиля. Все врачи встают и выходят из кабинета. Сейран и двое врачей идут в операционную. Рашо, одетый в больничную пижаму, лежит в постели с закрытыми

глазами и стонет. Иногда кашляет. Сауто и несколько сельчан стоят рядом).

Сауто – *(Тихо)*. Рашо, Рашо, дай Бог здоровья, ты совсем нас напугал. Слава Богу, операция прошла удачно. Открой глаза и посмотри на нас, чтобы мы могли вздохнуть спокойно. Все доктора только и говорят, что все хорошо, что руки у нее просто золотые! Зачем же тогда нас так пугать? А ведь я тебе тогда еще говорил, что на каждую болезнь свое лекарство найдется. Бог даст – и через несколько дней ты уже дома! Как я обещал, мы под твоими ногами зарежем белого откормленного барана и отметим как следует твое выздоровление: будем есть, пить, танцевать. Чего еще тебе надо? У нас с тобой впереди еще много долгих лет жизни. Не только внукам, мы и правнукам своим радоваться будем!

Рашо – *(Открывает глаза и смотрит на Сауто)*. Сауто, ты и правда хороший и преданный друг. *(Вздыхает)*. Да накажет Бог плохих детей. Мне стыдно перед тобой, поэтому и не могу смотреть тебе в глаза. Наверное, было бы лучше, если бы ты этого не сделал...

Сауто – *(Явно довольный собой)*. Рашо, прошу тебя, больше не говори об этом. Какими мы были, такими и остались, даже, пожалуй, стали еще лучше. Как говорили отцы и деды, «Не получился тот, так пусть получится этот». Все, закончили об этом разговоры. И не надо так себя казнить! Но на этот раз мы обязательно добьемся желаемого. И пусть говорят что хотят!

Группа сельчан – *(Вместе)*. Брат Рашо, валла, Сауто правильно говорит. Ведь мы курды, и по-другому быть не может. В конце концов, кто такая дочь, чтобы не

считалась с мнением отца? Отрежь ей язык и заставь повиноваться. Перебесится и подчинится.

Рашо – Сауто, знаешь, я так и не увидел доктора, которая проводила операцию. До того, как начать, они повесили перед моим носом какую-то ткань, и больше ничего я не помню. Но я слышал ее голос, она командовала: это принесите, то унесите, дайте то, дайте сё... Слышались какие-то звуки, но я не чувствовал никакой боли, только слегка ощущал, что что-то зашивают. Как хотелось бы мне ее увидеть. Валла, я поцеловал бы ей обе руки и сказал: «Товарищ доктор, я так тебе благодарен, ты вернула меня в этот светлый мир. Пусть Бог сделает тебя счастливой и чтобы ты всю жизнь видела только радость».

Сауто – *(Спокойным голосом)*. Брат Рашо, не переживай, это гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдется. Ты еще ее увидишь, вот тогда и поблаговаришь.

(Титал в белом халате заходит в палату. Через шею перекинут стетоскоп. Здоровается, подсаживается к Рашо. Измеряет ему давление, держит за запястье и отсчитывает пульс. Улыбается).

Титал – Дядя, слава Богу, все в порядке. По правде говоря, я не ожидал, что доктор Сейран так хорошо проведет такую важную и ответственную операцию. У нее действительно золотые руки. *(Сауто и другие люди переглядываются и быстро выходят из палаты).*

Рашо – *(Подскакивает на месте)*. Что ты сказал, сынок? Сейран? Что это за Сейран, которая меня оперировала? Не хочу даже слышать это имя! Я давно

вырвал его из глубины моего сердца и бросил в бездонный колодец! *(Хочет встать)*. Умоляю тебя, отведи меня к ней. Я хочу ее увидеть. Кто она, откуда пришла, из какого рода... Я хочу знать!

Титал – *(Тихо)*. Не надо так волноваться, дядя. Тебе сейчас нельзя вставать. Доктор сама придет посмотреть, как ты себя чувствуешь после операции. Как раз и скажешь ей то, что хотел. Ты ведь хотел ее поблагодарить, не так ли?

(Заходят две девушки в белых халатах. Поднимают Рашо с постели, держат его под руки и помогают медленно пройтись по палате. Потом снова укладывают его в постель и уходят).

Рашо – Титал, сынок, ты кто? Чей сын, где живешь? Из какого рода? Может, я кого-то знаю из твоей семьи или из вашего рода.

Титал – *(Улыбается)*. Я не из вашего района, дядя. Но я курд. Отца зовут Али, Алие Усыве Шами. Он рассказывал, что до 1926 года наши предки жили в Ване. Но в том году им пришлось бежать оттуда, и наша семья оказалась в Советской Армении. Мы обосновались в Котайкском районе и там живем до сих пор. Наш род Карка.

Рашо – *(Смеется)*. А я, сынок, из рода Шавалики. Ты знаешь, Карка и Шавалики друг другу братья. Вот почему ты вызываешь у меня такую симпатию. Дай Бог тебе счастья, сынок. Клянусь, ты выбрал для себя хорошее ремесло. Сверху Бог, а на земле только доктора могут вернуть человека с того света и даровать ему жизнь. Давай будем откровенны: ты женат? Сколько у тебя детей?

Может, ты, как многие теперешние молодые люди, не признающие своих корней, тоже хочешь поздно жениться?

Титал — *(Смеется)*. Валла, ты рассуждаешь в точности, как мой отец! Как будто вы родные братья. Он тоже все время меня спрашивает: сынок, когда ты женишься? Я, мол, тоже хочу иметь внуков, гулять с ними, водить в школу. Жизнь стала такая непредсказуемая, никто не знает, что случится завтра. Умные люди важные дела не откладывают на потом.

Рашо — Сынок, твой отец прав. Родители везде одинаковы: они все хотят счастья и мира своим детям. А вот дети бывают разными: есть и плохие, и хорошие. *(Вздыхает)*. Не дай Бог никому плохих детей, даже моим врагам. От этого горя нет лекарства, и никакой лекарь не поможет. *(Вздыхает, потом берет себя в руки и улыбается)*. А может, ты уже кого-то присмотрел себе, а? Наверное, поэтому...

Титал — *(Опускает голову)*. Я вижу, ты, дядя, человек умный, многое повидал, и если тебя что-то интересует, непременно хочешь досконально все узнать. Так уж и быть, открою я тебе свое сердце. Ты ведь тоже, как и мой отец, родитель. Я и твой доктор, которая делала тебе операцию, учились в одном университете и вместе закончили его. А теперь мы работаем вместе и дали друг другу слово, что если Бог захочет, мы...

Рашо — *(Радостно)*. Отлично, сынок! Если вы друг друга любите, знаете характер друг друга, что есть лучше этого? *(Тяжело вздыхает и тихо говорит про себя)*. Жаль, что в свое время я не рассуждал так, как ты. *(Снова поодушевляется)*. Дай вам Бог счастья, сынок. А если ты

позовешь меня на твою свадьбу (*бьет себя в грудь рукой*), то твой дядя не уступит никому свое место во главе говьянда. Ох, сынок, будьте счастливы.

Титал – (*Смеется*). Обещаю, что обязательно позову тебя на нашу свадьбу. Мой отец завтра приедет, и я вас познакомлю. У него такой же характер, что и у тебя, и я уверен, что вы найдете общий язык.

Занавес опускается. Слышится музыка.

Певец поет песню «Эй, Дилбар».

Сцена погружается в темноту.

АКТ ТРЕТИЙ ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Занавес поднимается. Сцена освещена. Рашо в больничной одежде лежит на кровати. Очень беспокоен. Часто поглядывает на дверь. Заходят две девушки в белых халатах, в руках домашняя одежда Рашо. Девушки помогают ему переодеться, встать с кровати, пройти по палате и снова лечь в постель. Дверь открывается, заходят Титал и его отец. Они здороваются, Рашо отвечает. Титал смотрит на них и поднимает руку.

Титал – (*Смеется*). Вот, дядя, я, как обещал, привел к тебе своего отца. Теперь можете познакомиться

друг с другом. *(Они пожимают друг другу руки и представляются. Али подсаживается к Рашо).*

Рашо – *(С радостной улыбкой).* Брат Али, ты молодец, воспитал такого хорошего сына. Именно про таких говорили отцы и деды: «Погрузи в грязную воду, он выпьет и не фыркнет». За таких детей не жалко и душу отдать. Ведь как много сейчас развелось никчемных молодых людей, которые никому не нужны: ни себе, ни народу. Свои дни проводят праздно и бессмысленно и способны только на плохие дела. Не дай Бог никому плохих детей. *(Тяжело вздыхает).*

Али – Брат Рашо, конечно, роль отца и матери в воспитании детей очень важна. Но у самого ребенка внутри тоже должно быть что-то, чтобы воспринимать сказанное родителями. Он должен сам уметь определить: что для него хорошо, а что нет. После того, как Титал закончил среднюю школу, я не хотел, чтобы он продолжал свою учебу. Но он меня попросил, и я не стал идти наперекор его желанию. Ну а теперь... Я желаю тебе, чтобы твои дети тоже были счастливы. По большому счету, дети – они как разные ветки от одного дерева. Кому горькая веточка попадется, кому сладкая... Желаю тебе отведать только от сладкой ветки. Я, слава Богу, доволен своим Титалом. За столько лет он не причинил мне никаких проблем. Всегда со мной советовался и только потом действовал. Вот, сейчас тоже...

(Раздается стук в дверь. Титал быстро подходит к двери и открывает ее. Профессор, Сейран и несколько врачей заходят в палату. Профессор здоровается, Рашо и Али отвечают. Взгляд Рашо вдруг падает на Сейран, и он

узнает дочь. Теряется от неожиданности, потирает свой лоб, внимательно на нее смотрит).

Профессор – (В приподнятом настроении). Пожалуйста, брат Рашо, познакомься со своим доктором. (Берет Сейран за локоть и подводит ее к нему. Сейран всхлипывает и бросается отцу на шею. Рашо в растерянности обнимает ее, потом с сожалением и виноватым видом смотрит на профессора. Тот улыбается, берет Титала за руку и подводит к Рашо). Брат мой, знай, что это тоже твой сын. Познакомься.

(Рашо обнимает Титала за шею и целует его. В этот момент показывается Рнде с двумя котомками в руках. Удивленно смотрит на них и не верит своим глазам. Шепчет: «Боже, Боже»).

Рашо – (Поворачивается к Рнде). Подойди, подойди. Ты видишь, что происходит? Знаешь, кого обнимаю? Я потерял одного ребенка, а сейчас нашел двух детей. Иди, ты тоже их обними и облегчи свою душу. Теперь пусть твое сердце успокоится. (Обращается к Титалу). Ну ты хитрец! Вот почему эти дни ты не отходил от меня ни на шаг. То одно подлечит, то другое. (Титал опускает голову).

Рнде – (С недоверием). Валла, Рашо, я ничего не понимаю. Что произошло? Почему вы друг друга обнимаете, о каких найденных детях ты говоришь? Может, ты умом тронулся? А ну давай, быстро рассказывай, не то у меня сердце лопнет!

Рашо – (Смеется). Не умирай, женщина, и пусть сердце твое не разрывается. Побереги себя. Ведь то, что ты хотела, так и получилось. Зачем тогда суетиться?

Признаюсь, что был тогда неправ, и теперь мне перед ней стыдно. Не знаю, что делать. *(Обращается к Сейран)*. Доченька, да стану я тебе жертвой, прости меня. *(Целует ее)*. Я был к тебе очень несправедлив, но если Бог позволит, я хочу в этот раз исправить свою ошибку. Сыграю тебе такую замечательную свадьбу! Позову весь наш род! И обязательно скажу каждому, кто будет там присутствовать: матерям, отцам, братьям и близким родственникам: прошу вас, уважаемые, не будьте такими бессовестными, как я, выбросьте плохие мысли из своей головы и дайте свободу выбора своим детям. Пусть они сами решают свою судьбу, как моя Сейран.

Али – *(Смеется)*. Ну как так можно, Рашо? Столько всего хорошего сказал, что мне ничего не оставил! Все, что было нужно, ты уже сказал. Пусть будет так, как ты говоришь. И я им тоже скажу: мои дорогие дети, будьте счастливы и пусть судьба бережет вас от всяких тягот и трудностей. Будьте здоровы, богаты и счастливы. *(Целует Титала и Сейран)*. Слава Богу, все получилось так, как я хотел. Брат Рашо, сестра Рнде, дай вам Бог радости. Пусть Бог даст детям счастья. *(Он и Рашо обнимают друг друга)*.

Рнде – *(Расчувствовавшись, обнимает за шею Сейран и Титала)*. Ты знаешь, доченька, сколько бессонных ночей и горьких дней я провела во имя этого сегодняшнего дня? *(Смотрит на Рашо)*. Один только Бог знает, сколько горя пришлось мне испытать от этого бессовестного человека. Я никогда его не прощу, и за свои грехи он будет вечно гореть в аду. Тысячу раз благодарю Бога за то, что он не забыл обо мне и что я смогла дожить до сегодняшнего дня. Видишь, как раскаялся твой отец и

понял свои ошибки? Слава Всевышнему, я это тоже увидела своими глазами. Теперь могу спокойно умереть. Доченька, будь счастлива. Будьте счастливы! Будьте двумя благоухающими и неувядающими розами. *(Вытирает слезы и целует их).*

Профессор – *(Со смехом).* Ну вы бессовестные! Оставьте этих детей в покое и перестаньте их обнимать! Это не ваши дети, а мои. *(Соединяет руки Раио и Али).* Мои дорогие братья, я вас поздравляю. Пусть Бог осчастливит ваших детей. *(Обнимает и целует Сейран и Титала. Вытирает свои слезы. Сейран и Титал, держась за руки, уходят со сцены. Он смотрит им вслед и тяжело вздыхает).* Идите, идите, мои две благоухающие и неувядающие розы. Пусть Бог благословит вас.

Занавес опускается. Сцена погружается в темноту. Слышится музыка. Певец поет песню «Яр Шамаме». Издалека слышится девичье пение, поется песня «Иди, иди, лауко, иди».

Иди, иди, лауко, иди,
Иди же, иди, лауко, иди.
Мы давным-давно тебя ждем,
Хотим тобой полюбоваться.

КОНЕЦ

2010

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИСТОРИИ НАПИСАНИЯ ПЬЕСЫ «СЕЙРАН»

Я долгие годы проработал в министерстве образования Армении, и по вопросам обучения в средней школе мне приходилось часто ездить по районам. Однажды один мудрый курд, человек почтенного возраста и большой патриот, рассказал мне эту историю. Я попросил его познакомить меня с той Сейран, и он согласился.

Мы вместе поехали в ту больницу, где она работала, и я ее увидел. У Сейран к тому времени уже было несколько взрослых детей. Титала же я не увидел.

- Титала послали на учебу в Москву. Он там должен проучиться два года, - сказала мне Сейран.

Когда дядя Кярам (именно так звали того курда, кто поведал мне эту историю) сказал ей о цели моего прихода, она смущенно улыбнулась и сказала:

- Дядя Кярам, неудобно, зачем ты это сделал? Что было, то было, зачем ворошить прошлое? – и рассмеялась, а вслед за ней и мы.

Сейран простым и ясным языком, очень достойным образом рассказала о случившемся с самого начала до конца. Я дал ей слово, что обязательно напишу об этом и доведу эту историю до нашего народа.

И я написал эту пьесу. Но из-за некоторых жизненных обстоятельств я совсем позабыл об этом и вспомнил только тогда, когда в 2010 году приводил свой архив в порядок и наткнулся на свою рукопись... Теперь

же я спокойно могу сказать: я сдержал перед Сейран свое слово и издал эту пьесу.

* * *

Несмотря на то, что курды живут уже в XXI веке, к сожалению, до сих пор в нашем народе отцов, подобных Рашо, довольно много. Они не могут освободиться от влияния традиций и обычаев прошлого, стали его пленниками и женят своих детей вопреки их воле и желаниям. Они категорически против обучения своих детей, особенно дочерей. В итоге конец бывает очень печальным – либо скорая смерть молодой женщины, либо невозможность создать нормальную семью, либо развод. Чтобы это позорное явление в жизни нашего народа осталось в прошлом, большая ответственность падает на курдскую интеллигенцию. Каждый ее представитель должен вести против него непримиримую борьбу...

ШЕСТЬ ИСТОРИЙ

*(Из сокровищницы
курдского фольклора)*

ОТВАЖНАЯ ДЕВУШКА

(История первая)

Жил на свете один умный падишах. Однажды ночью он вместе со своим визирем надевают одежды дервишей и выходят в город. Прогуливаются и замечают, что везде огни погашены, кроме одного дома, где виден слабый свет. Падишах недоумевает: почему во всех домах свет потушен, а здесь нет? В чем дело?

Чтобы узнать причину, падишах и визирь тихонько подходят к тому дому, заглядывают в окно и видят, как один привлекательный юноша и прелестная девушка сидят на устланном посреди комнаты ковре и, облокотившись на подушки, о чем-то сладко беседуют. Иногда беседа прерывается объятиями и поцелуями.

Визирь предлагает падишаху пойти дальше, но тот говорит:

- Подожди, визирь, я хочу посмотреть, чем все это закончится.

Они продолжают наблюдать и видят, как уставший юноша кладет голову на грудь своей возлюбленной и погружается в глубокий сон. Девушка поднимает голову и смотрит на световое окошко в потолке. Оттуда спускается белая веревка. Девушка ловит ее конец, делает узел и накидывает его на шею спящему юноше. Потом снова смотрит наверх, и веревка начинает тихонько подниматься обратно. Девушка вынимает у юноши из ножен кинжал и отрубает ему голову.

Из светового окошка в комнату прыгает уродливый чернокожий араб. Он и девушка начинают обниматься, потом заворачивают тело убитого в ковер, выкапывают в доме яму, прячут туда тело и после этого снова принимаются за любовные утехы.

Падишах приказывает визирю сделать на двери этого дома метку, тот выполняет указание правителя, и они возвращаются во дворец.

Еще не успевает взойти солнце, как падишах встает, облачается в свои одежды, зовет визиря и приказывает привести к нему ту девушку и араба.

Визирь в сопровождении стражников идет к тому дому, но, оказавшись на месте, вдруг обнаруживает, что все двери домов на той улице помечены точно таким же знаком, каким он отметил тот самый дом. Вспомнить, у окна какого именно дома они были прошлой ночью, визирь так и не смог и с пустыми руками вернулся во дворец. Падишах выслушивает объяснения визиря и погружается в размышления. Долго думает, потом поднимает голову и в гневе приказывает:

- Мой визирь, с завтрашнего дня я уезжаю в далекую страну. Меня не будет сорок дней. Всю власть передаю тебе в руки, но не забывай: приказываю к моему возвращению истребить в моем государстве всех женщин до единой. Никого не щади, а если ослушаешься, прикажу отрубить тебе голову.

Падишах уезжает, и визирь вечером с тяжелым сердцем возвращается домой. Дома его ждал престарелый отец, который жил в сундуке, наполненном ватой. Старик видит, что у сына тяжело на сердце, и начинает его спрашивать, в чем дело. Визирь уклоняется от ответа, но после настойчивых расспросов отца все же рассказывает ему о приказе падишаха. Старик выслушивает сына и говорит ему:

- Не унывай, сынок. Ты падишаха не слушай: он был в гневе и еще пожалеет, что отдал такое распоряжение. Если ты исполнишь его приказ, он все равно потом взвалит всю вину только на тебя. Никого не трогай, а когда правитель вернется, отведи меня к нему, я сам дам ему ответ.

Визирю ничего не остается, как согласиться с отцом. Но в душе он уверен, что падишах, вернувшись, все равно прикажет отрубить ему голову.

Спустя некоторое время падишах возвращается из своей поездки. В тот момент, когда его нога ступает на принадлежащие ему владения, он видит: тут две женщины, там три женщины... Стоят и как ни в чем не бывало сладко беседуют. Гнев переполняет падишаха, все внутри клоочет, и он спешит в свой дворец. Переодевшись в праздничные одежды, он приказывает палачам отрубить

визирю голову, и во дворце поднимается суэта, чтобы поскорее выполнить приказ падишаха. Приговоренного к смерти немедленно приводят к месту казни, и тот испуганно смотрит на падишаха. Подняв руку вверх, он умоляет сначала выслушать его, а потом уже казнить. Падишах сердито смотрит на него, но все же приказывает палачам остановиться и обращается к визирю:

- Что ты хочешь сказать? Говори, но только быстрее! Ты не выполнил мой приказ и от наказания не уйдешь!

Визир со страхом передает слова своего столетнего отца. Падишах распоряжается привести к нему старика, и того вскоре приносят в сундуке, наполненном ватой.

- Сколько у тебя голов, что ты не пустил своему сыну исполнить мой приказ? – грозно спрашивает падишах у старика.

- Умоляю, выслушай меня, мой падишах, - говорит старик. – Моя смерть и жизнь – всё в твоих руках...

В свое время я был и визирем, и одним из сорока богатырей, храбрых витязей твоего покойного отца. Каждую ночь один из богатырей бесследно исчезал. Никто не мог понять, почему так происходит, по чьей воле и куда они пропадают. Падишах ломал над этим голову, но не мог ничего понять. И так пропали все тридцать девять богатырей. Я был сороковым, и мне было понятно, что очередь дойдет и до меня.

Однажды ночью в мои ворота постучали. Я быстро поднялся и направился было к двери, но меня удержала жена:

- Не торопись, - сказала мне она, - ты ведь не знаешь, кто за воротами. Вдруг это враг и пришел, чтобы тебя убить? А может быть и друг, который пришел за твоей помощью и вам нужно будет куда-то срочно поехать. Стыдно, не выходи в таком виде к тому, кто пришел. Сперва оденься, возьми оружие, садись на коня и только потом открой ворота тому, кто пришел этой поздней ночью. Если это друг, пригласи его домой. А если враг, то или твоя возьмет, или его. Так зачем же так торопиться?

Я послушался ее совета и сделал все, как она сказала. Уже сидя на коне, я отворил свои ворота. Смотрю - у порога стоит всадник.

- Ты кто? Почему в эту ночь стучишься в двери моего дома? - спросил я у него.

А он строго посмотрел на меня и только сказал:

- Следуй за мной!

Ни я, ни он больше не произнесли ни одного слова. Я последовал за ним, и вскоре мы выехали из города. Постепенно мертвое молчание стало меня злить, но он словно почувствовал мое состояние, посмотрел на меня и спокойно сказал:

- Успокойся.

Мы проехали еще немного. Я снова стал раздражаться, но он в очередной раз обратился ко мне со словами:

- Говорю тебе, успокойся.

В третий раз, когда плохие мысли снова стали одолевать меня, всадник резко повернулся ко мне, поднял меня с моего седла так легко, словно птичку, и посадил

перед собой. Потом сжал меня так сильно, что то материнское молоко, которым кормила меня в детстве мать, чуть не вышло у меня из носа. После этого он так же легко поднял меня в воздух, усадил в мое седло и сказал грозным голосом:

- Я же говорю тебе – успокойся и сиди на своем месте смиренно!

Я понял, что ничего не могу с ним сделать, потому что он намного сильнее меня. Будет лучше, если я и правда буду сидеть тихо, а там посмотрим, чем все закончится.

Настало утро. С рассветом красивые утренние лучи легли на нас, и вдалеке мы увидели невысокую гору. Я посмотрел на всадника. Оказалось, что лицо его замотано так, что видны только глаза. Он спешил, я тоже. Всадник кинул мне поводья, отошел на пару шагов в сторону и посмотрел на восходящее солнце. Потом тяжело вздохнул, повернулся ко мне, и в глазах его блеснули слезы. Указав рукой в сторону горы, он сказал мне:

- Видишь ту пещеру? Там живет дракон, мой враг. Сейчас я пойду туда и буду с ним сражаться. Посмотрим, кто кого одолеет... Как услышишь мой первый крик, то знай, что я его увидел. Второй крик скажет тебе о том, что мы вступили в схватку, а услышишь третий – знай, что я его победил. А если не услышишь мой третий крик, значит, он победил меня. И не надо приходить мне на помощь, он и тебя убьет... Тот груз, который на моем коне, - золотые драгоценности – возьми себе. Но прежде я хочу открыть тебе свое сердце и сказать, кто я, чего я хочу и почему привел тебя сюда. Пусть у тебя не останется никаких сомнений.

Всех тех тридцать девять богатырей, твоих товарищей, убил я. Как и в случае с тобой, я ночами стучался в их дома, и они в ночном белье открывали мне дверь. Я выводил их за пределы города, убивал и зарывал тела в яме. Я это делал потому, что не видел в их поступке ничего богатырского. Но когда ты вышел ко мне одетый, при оружии и на коне, я обрадовался, что встретил настоящего богатыря, и догадался, что ты и вправду храбрец.

С этими словами он взял меч и пошел в сторону пещеры. Походка у него была мягкая, и, сделав несколько шагов, он оглянулся и спросил меня:

- Ты понял меня или нет?

Я кивнул, и он ушел.

Прошло некоторое время, и я услышал его первый крик. Чуть позже я услышал второй, а затем третий, и я понял, что он победил своего врага.

После третьего крика он так и не вернулся назад. Я связал уздцы обеих коней вместе, а сам соскользнул по склону горы. Там, внизу, я увидел обособленное место под куполом, который, по всей видимости, был построен совсем недавно. Я подошел к тому месту, заглянул туда и увидел в его центре свежую могилу, а рядом с ней девушку несказанной красоты. Ее обе заплетенные косы спадали с ее плеч до тонкой талии, словно две огромные змеи. Она горько плакала и говорила:

- Любимый мой, я отомстила за тебя! Сердце мое успокоилось, и желание мое исполнилось. А теперь встречай меня. Я не хочу без тебя жить на этом свете.

Она приставила острие меча к своему сердцу, и в тот момент, когда захотела кинуться на смертельное лезвие, я подоспел, схватил и удержал ее. Она посмотрела на меня глазами, полными горьких слез, и сказала:

- Что ты наделал, о жалкий человек? Зачем ты помешал мне и не дал исполниться моему желанию? Ведь я поклялась, что он не будет покоиться один в этой могиле.

Я забрал у нее меч и вывел ее из-под свода.

Когда девушка немного пришла в себя, я подошел поближе и попросил рассказать о том, как все случилось. Он вытерла слезы и сказала:

- Ты освежил мои незатянувшиеся раны... Под тем куполом похоронен мой двоюродный брат. Мы очень любили друг друга. Сыграли нашу свадьбу, и в первую же ночь тот дракон убил моего мужа, когда он спал. И тогда, перед его телом, я поклялась, что сперва отомщу за него, а потом лягу в его могилу. А ты, бессовестный, не пустил, чтобы я сдержала свое слово.

И тогда я понял, что тем богатырем, который этой ночью приходил ко мне домой и привел меня сюда, человеком недюжинной силы, оказалась эта молодая, стройная девушка.

И тогда я сказал ей:

- Ты отомстила и достигла желаемого. Тебе больше не о чем беспокоиться.

Она печально посмотрела на меня, взяла мою руку, глубоко вздохнула и сказала:

- Наверное, того хотел Бог, раз я тебя встретила. Поступай так, как подскажет тебе твое сердце.

Я женился на той отважной девушке. Твой визирь и есть ее сын, этой героической женщины. Дорогой падишах, не все женщины одинаковы. Все разные, и большой грех судить обо всех по одной. Воля твоя: хочешь – казни, а хочешь – помилуй.

После этого рассказа падишах прощает визиря, дарит старику подарок и говорит: «Сколько бы ты ни знал, всегда есть чему поучиться!».

ПАДИШАХ ПРОЩАЕТ ВОРОВ

(История вторая)

Однажды ночью падишах и его визирь облачаются в старую, поношенную одежду, украдкой выходят из дворца и идут прогуляться по городу. На обратном пути замечают три фигуры, похожие на призраков, которые то встают, то садятся. Падишах говорит визирю не торопиться и посмотреть, кто это такие и что им нужно ночью в этих краях.

Немного приблизившись к ним, падишах и визирь понимают, что у тех людей на уме недоброе. Зная, как обычно общаются между собой воры, падишах окликает их, и те подходят поближе. Падишах спрашивает, мол, кто вы. Люди говорят ему, что они воры и хотят ограбить казну падишаха. Падишах говорит им:

- Валла, мы тоже хотим это сделать.

Они знакомятся друг с другом, и как только от слов собираются перейти к делу, падишах говорит:

- Цель у нас, конечно, одна. Но давайте сначала выясним, кто из нас что умеет делать, а потом уже приступим к нашим делам.

Все соглашаются, и один из воров говорит:

- Я вот что умею делать: когда я приближаюсь к тому месту, которое собираюсь ограбить, сколько бы ни было там собак и как громко они бы ни лаяли, все сразу засыпают.

Второй вор говорит:

- Когда я приближаюсь к закрытым дверям, ключи сами собой поворачиваются в замке и отворяют дверь.

Третий вор говорит:

- Кого бы я ночью ни увидел, пусть даже самой темной ночью, встретив на следующий день, сразу же могу узнать.

Один из воров обращается к падишаху:

- Мы рассказали вам о своих способностях. Теперь ваша очередь...

Падишах отвечает:

- Я вор, но не такой, как вы. У меня недюжинная сила. Когда я подкручиваю свои усы с правой стороны, полмира строится. А когда подкручиваю усы с левой стороны, полмира рушится.

Воры поворачиваются к визирю и спрашивают, какое же у него мастерство. Тот отвечает:

- Я делаю то, что приказывает мне мой старший. Я у него в услужении.

Падишах, визирь и те трое направляются к казне падишаха. Первый вор выходит вперед. Когда он приближается к собакам, охраняющим казну, те

прекращают свой лай и сразу засыпают. Как только второй вор прикасается к ключу двери казны, ключ сам начинает поворачиваться в замке, и дверь отворяется.

Оказавшись в казне, они берут столько, сколько могут унести, и спешат покинуть город. Так они выходят к широкой равнине, посреди которой высится огромная скала. Один из воров останавливается и говорит:

- Друзья, мы должны расстаться с вами. Дальше мы пойдем одни.

Они подходят к скале, взбираются на нее и по веревке спускаются по ту сторону утеса вниз. Падишах и визирь берут свою долю и возвращаются во дворец. Каждый удаляется в свои покои.

Утром рано казначей открывает двери в казну и видит – казна ограблена. В отчаянии бьет себя по голове, кричит и бежит во дворец. Падишаху докладывают, что этой ночью воры унесли половину казны. Тот зовет к себе охрану и говорит, куда идти и где искать похищенное. Снаряжаются отряды, и идут туда, где прошлой ночью падишах с визирем расстался с ворами. Их находят спящими безмятежным сном, будят и, взгромоздив на их спины награбленные сокровища, приводят во дворец.

А там падишах, одетый в праздничные одежды, уже сидит на своем троне, и рядом с ним стоят визирь, доверенное лицо и оракул. Поодаль стоят готовые к работе палачи. Падишах спрашивает у визиря:

- Как нам наказать этих воров, о мой визирь?

Тот отвечает:

- Да дарует тебе Бог долгих лет, о мой падишах, прикажи отрубить им головы, а тела разрубить на куски и

вывесить на воротах дворца. Пусть твой народ знает, что каждого, кто предаст своего правителя, будет ждать подобная участь.

- Вот он, род какой, - так тихо, почти неслышно, говорит оракул.

Падишах спрашивает у своего доверенного лица:

- Как нам наказать этих воров?

- Да будут продлены твои дни, о мой падишах, - отвечает доверенное лицо, - прикажи свернуть им шеи, а тела мелко раздробить, сделать из них фарш и вывесить на воротах дворца, чтобы другим неповадно было.

- Вот он, род какой, - снова так же тихо говорит оракул.

Падишах поворачивается к слуге, который стоит за ним с опахалом, и спрашивает:

- О мой слуга, вот уже много лет, как ты прислуживаешь мне и даже не высыпaeшьcя. Скажи и ты: как мне наказать этих воров?

Слуга дрожащим от страха голосом тихо отвечает:

- О мой падишах, кто я такой, чтобы ты спрашивал у меня, как наказать этих троих?

Падишах в гневе кричит:

- Говори быстрее! Не то я...

Слуга испуганно говорит:

- О мой падишах, если ты снизошел до меня и задаешь такой вопрос, то я скажу: хочу, чтобы ты их помиловал, даровал бы каждому по подарку и отпустил домой. И тогда твой народ скажет: наш падишах очень мудрый и справедливый.

- Вот он, достойный род, - на этот раз говорит оракул.

Падишах поворачивается к ворам и говорит:

- Как мне вас наказать?

Тот вор, который говорил, что может узнать любого, кого видел даже самой темной ночью, говорит виноватым голосом:

- Да продлит Господь твои дни, о мой падишах! Мы виноваты, и тебе решать, как нас наказать. Мы действительно ограбили твою казну. Но умоляю тебя об одном...

Падишах грозно смотрит на него, но тот продолжает:

- Пожалуйста, подкрути свои усы с правой стороны.

И тут падишаху становится все ясно ...

Потом падишах поворачивается к своему оракулу и говорит ему:

- Ну а теперь, мой мудрый оракул, твоя очередь. Ответь: почему, когда я спрашивал визиря и мое доверенное лицо, ты на их советы говорил «вот он, род какой», а на совет слуги сказал «вот он, достойный род»?

Оракул отвечает:

- Да будут продлены твои дни, о падишах, не придавай большого значения сказанному мной. Что в тот момент пришло мне на ум, я то и сказал.

А падишах ему в ответ:

- Ты что, забыл, где ты находишься? Ты отвечаешь за каждое сказанное тобой слово. Я жду твоего ответа!

Оракул вытягивает голову в плечи и со страхом говорит:

- О мой падишах, если я объясню, почему так сказал, то в твоём государстве должны произойти большие перемены. Позволь, пусть все останется так, как есть.

Падишах приходит в ярость и кричит:

- Нет! Я ведь сказал, что жду твоего ответа! Говори!

Оракул видит, что выхода нет, и отвечает:

- О мой падишах, твой визирь – сын мясника. Его отец всю жизнь был занят только тем, что резал мясо, рубил на куски и вывешивал свой товар. Поэтому он говорил как мясник. Отцом твоего доверенного лица был тот, чьим ремеслом было приготовление кябаба. Ему с детства привычно было видеть, как мясо измельчается и превращается в фарш, вот он и дал тебе такой совет. А тот твой слуга, который стоит за тобой с опахалом, на самом деле сын такого-то падишаха. В свое время его отца свергли с трона, и враги перебили всю семью. Тогда в живых остался только этот ребенок, который потом и стал твоим слугой. Вот какой у него был отец, поэтому он и дал тебе соответствующий совет.

В тот же час падишах выгоняет визиря и доверенное лицо и назначает своего слугу главным визирем, прощает воров, одаривает каждого из них подарком и говорит: «Идите и впредь живите честным трудом».

Поэтому наши предки и говорили:

«С благородного по происхождению золото сыпется,

А с ничтожного – всегда смерть и яд».

ДОМ БОЖИЙ СТРОИЛСЯ НА ТЕРПЕНИИ

(История третья)

Жил на свете один бедный и трудолюбивый человек. Работает он день и ночь, но что только ни делает, не может прокормить свою семью. В один прекрасный день он садится, задумывается над своей жизнью, но ничего дельного придумать не может и решает: пойду-ка я странствовать по белому свету, может, где-то смогу заработать себе на хлеб. Так и делает.

После долгих странствий он попадает в очень далекую страну. Там он некоторое время слоняется в поисках заработка и после долгих попыток наконец находит себе работу, очень тяжелую и изматывающую. И поскольку деваться ему некуда, он бывает вынужден согласиться, и так, в невероятных муках, проходит много лет.

Вот и половина его жизненного пути уже пройдена, а он ничего толком не скопил и никак не может вздохнуть посвободнее. Бедность и лишения становятся его вечными

спутниками, и он все чаще с горечью и болью вспоминает свою страну, друзей и жену. Тоска по ним съедает его душу, и он в сомнениях принимается подсчитывать то небольшое, что удалось скопить за эти годы. Все, что у него есть, - это три золотых монеты, и бедняк, взяв их с собой, решает вернуться на родину. Путь его пролегает через небольшой город, и он, почувствовав голод, направляется на базар, чтобы купить себе какой-нибудь недорогой еды и пойти дальше. У самого входа на рынок видит старика в белых одеждах, который ходит из стороны в сторону и тихо повторяет: «Продаю, покупайте! Продаю, покупайте!».

Немного посмотрев на старика, бедняк подходит к нему, но видит – у старика в руках ничего нет. Тогда он решает: спрошу-ка я у него, что он продает. Может, это и есть то, что мне нужно.

- Дядя, что ты продаешь? – спрашивает он у старика.

Тот оглядывает его с ног до головы и говорит:

- Следуй за мной.

Старик впереди, за ним следует наш бедняк, и так они идут довольно долго и, наконец, доходят до другого конца города. Останавливаются у одного дома и, открыв дверь, заходят внутрь. Проходят по длинному коридору и попадают в ветхую и захлавленную комнату квадратной формы. Бедняк видит, как у стены напротив входа на земляном полу сидит другой старик, постарше того, кто привел его сюда, и с четками в руках. Первый старик здоровается и говорит тому:

- Отец, я привел покупателя.

Тот сидящий старик спрашивает:

- А ты сказал ему стоимость нашего дома, сынок?

- Нет, - отвечает тот, - я пока ничего ему не говорил.

- Ну, раз так, тогда скажу я, - говорит старик и обращается к бедняку. – Божий человек, наш дом стоит один золотой. Давай свое золото и забирай свой дом.

Бедняк протягивает ему золотой, тот берет его и прячет за пазуху и говорит:

- Что тебе по сердцу, то и красиво.

Бедняк стоит в недоумении и ничего не понимает. Сидящий старик опускает голову, неспешно перебирает четки и незаметным взглядом дает сыну понять, что гостя пора проводить. Тот старик, кто его привел в этот дом, говорит ему:

- Ну, ты уже получил свой дом, можешь продолжать свой путь.

Гость с разбитым сердцем, даже не попрощавшись, выходит из дома и пускается в дорогу. Пройдя некоторое расстояние, он понимает, как сильно голоден, и возвращается к тому же рынку. Видит – тот же самый старик ходит из стороны в сторону и так же тихо повторяет: «Продаю, покупайте! Продаю, покупайте!».

Бедняк подходит к старику и говорит:

- Пойдем, дядя, я куплю и другой твой дом.

Тот отвечает:

- Следуй за мной.

Снова приходят к тому же старику.

Попутчик говорит:

- Отец, я привел покупателя.

- Возьми у него один золотой, сынок, я дам за него другой дом.

Гость отдает свой второй золотой. Старик смотрит на него и со смехом говорит:

- Дела домашние знает хозяин дома.

Бедняк снова ничего не понимает, а тот первый старик обращается к нему со словами:

- Ну, давай, ты купил дом, и иди себе по своим делам.

Бедняк, расстроенный и разочарованный, снова пускается в обратный путь. И снова голод заставляет его вернуться к тому же базару. Снова он встречает того самого старика, и снова те же слова, те же события... Получив третий золотой, старик говорит «запасись божьим терпением» и советует ему идти по своим делам.

Бедняк снова ничего не понимает и с разбитым сердцем продолжает свою дорогу. На окраине города встречает караван и просит у его хозяина разрешения следовать вместе с ними. Тот отказывается брать его с собой, но за бедняка вступается его слуга:

- Жаль этого человека, пусть он идет с нами. Может, он еще пригодится нам в дороге? Скажем, погонять верблюда или чем-нибудь еще. Вряд ли он принесет нам ущерб.

Хозяин каравана соглашается, и они пускаются в путь. Через некоторое время останавливаются на привал и группами по два-три человека садятся ужинать. Бедняк стоит в сторонке и смотрит на них. Один из караванщиков, видно, человек добрый, подзывает его и угощает рыбой. Та оказывается слишком соленой, и его начинает одолевать

жажда, но никто не дает ему и глотка воды. Один из погонщиков берет его за руку и отводит к ближайшему колодцу.

- Хочешь пить? Пожалуйста: вот тебе ведро, вот цепь, а вот колодец. Спускайся вниз. И сам вдоволь воды попьешь, и ведро для нас наполнишь и принесешь. Если так сделаешь, сразу завоюешь себе авторитет.

Бедняк, конечно, понимает, что тут есть подвох: ведь попав в колодец, оттуда уже не выбраться. Но делать нечего, другого выхода нет... Спускается в колодец, видит – на дне раскинута широкая площадка, посередине течет большой источник, кругом полно цветущих роз и поющих соловьев... У самого начала источника сидит здоровенный араб, а рядом с ним две девушки одна краше другой: справа – чернокожая, слева – белокожая. Завидев чужака, араб недовольно кричит:

- Не торопись, божий человек, сперва ответь на мой вопрос, а потом уже пей воду сколько хочешь и отнеси ее своим друзьям. Скажи, но только откровенно: на которой из этих двух девушек мне жениться? Кто из них красивее?

Бедняку сразу вспоминаются слова старца, и он отвечает:

- Дай Бог тебе процветания! Которая тебе по сердцу, та и красивее. На ней и женись.

Араб встает, смеется и кидает бедняку мешочек с золотом. Потом приказывает своим слугам дать ему воды сколько захочет и помочь ему живым и невредимым выбраться наверх.

Оказавшись наверху, бедняк видит – каравана и след простыл. Он пускается вслед и через некоторое время

нагоняет их. Караванщики, увидев его, удивляются и начинают задавать ему вопросы, но ни на один из них он не отвечает и продолжает идти молча. Через несколько дней караван выходит к тому месту, где дорога раздваивается. Бедняк покидает караван и идет по той дороге, которая ведет в сторону его родины. Ближе к вечеру он достигает маленькой деревни, стучится в один из домов и просится на ночлег. Хозяин дома со словами «гость – это гость от Бога» впускает его переночевать.

Через некоторое время во дворе дома накрывается большой обеденный стол, за который усаживаются все члены семьи и сам гость. Собака тоже рядом и ужинает вместе со всеми. Тут бедняк замечает одну женщину средних лет, которая прикована цепью к дереву, что рядом с собачьей конурой. Заметить-то он ее замечает, но делает вид, что ничего необычного не видит. После ужина со стола убирают остатки еды, и хозяин кидает их той прикованной женщине. Она съедает все и снова усаживается, глядя на домочадцев.

Бедняку стелют постель в комнате для гостей. Наступает утро, и стол для завтрака опять накрывается во дворе дома. И все, что происходило вечером, снова повторяется...

После завтрака гость просит у хозяина дома разрешения уйти и выходит. Пройдя немного, он слышит, как его окликает хозяин дома, и возвращается, чтобы узнать, в чем дело. Тот спрашивает его:

- Дорогой гость, со вчерашнего дня ты у меня дома. Ты ничего необычного не заметил?

- Прости, уважаемый, но я увидел кое-что, что не укладывается в голове, - отвечает бедняк.

- А почему ты ничего у меня не спросил?

На что бедняк ему уверенно отвечает:

- Какое я имею право вмешиваться в ваши семейные дела? Ведь не зря говорится: «Дела домашние знает хозяин дома». Это твой дом, а я всего лишь гость. Дай Бог процветания твоему дому.

Хозяин дома берет его за руку и отводит за дом, показывает старые и свежие человеческие кости и говорит:

- Видно, ты, мой дорогой гость, – человек очень умный. А знаешь, это кости тех людей, которые тоже были в моем доме гостями. Когда они видели ту самую картину, то сразу принимались спрашивать: что да почему. За то, что они вмешивались в мои семейные дела, их приводили сюда и убивали. Но ты ничего меня не спросил и поступил мудро. Верно сказано: «Дела домашние знает хозяин дома». Кроме меня никто не знает, почему она вынуждена переносить такие мучения.

Хозяин дома достает мешочек с золотом, дает его бедняку и, провожая с большим почетом, говорит на прощание:

- Иди, и да поможет тебе Бог. Каждый ест столько хлеба, насколько он умен.

Бедняк берет свое золото и продолжает свой путь.

Через несколько дней поздним вечером он добирается до своей деревни. Сначала порывается сразу пойти к своему дому, открыть внезапно дверь и сказать домашним: «Свет вашим очам, я вернулся!» Но потом меняет свое решение и после некоторых раздумий

тихонько поднимается на крышу своего дома и через световое окошко в потолке заглядывает внутрь, чтобы посмотреть, кто дома и что там происходит. Видит – стол накрыт, а рядом с его женой сидит молодой парень. Она то целует его, то называет ласковыми словами, а после ужина стелет постель, оба ложатся спать и через некоторое время засыпают.

Бедняк в сердцах говорит себе: «Да разве можно верить женщинам? Вот на какой путь встала она после моего ухода, вот что вытворяет! Ведь правду говорят: «Мужчина, оставшись один, худеет, а женщина, оставшись одна, борзеет»!

От переживаний перед глазами темнеет и становится трудно дышать. Ему так и хочется кинуться домой, обоих убить во сне и снова пуститься в дальние странствия. Но вдруг на память приходят другие слова старика: «Запасись божьим терпением». От этих мыслей слабеют руки, но на душе почему-то становится спокойнее. Бедняк садится и погружается в размышления...

Наступает раннее утро. Жена встает, убирает дом и двор, потом будит молодого парня. И снова обнимает и целует его.

Тут муж уже не выдерживает, достает кинжал из ножен и врывается в дом. С криком кидается к жене и тому юноше, порывается отрезать им головы и дико кричит:

- Ты, бесчестная женщина, как ты могла после меня кинуться в объятия этому молодому парню? Да я сейчас же отправлю вас обоих на тот свет!

Жена сразу его узнает, вскрикивает, кидается к его ногам и начинает тараторить:

- Ой, муж мой, умоляю, запасись божьим терпением, не торопись! Ты что, с ума сошел? Это же твой сын! Когда ты уходил, я была беременна, но так как ты уже все решил, то я не стала тебе об этом говорить. После твоего ухода Бог даровал нам этого сына, так зачем же сейчас его убивать?

Муж сначала застывает в крайнем изумлении, потом, придя в себя, целует сына. Обратив взгляд к небесам, говорит с благодарностью:

- О, Боже, благодарю тебя за все! То, что ты знаешь, не знает никто. Правду говорили отцы и деды: «Дом Божий строится на терпении». «Поторопишься – и сгорит твой тандур».

ПАДИШАХ И ЦЫГАНКА

(История четвертая)

Однажды падишах вместе со своим визирем, доверенным лицом, многими государственными сановниками и в сопровождении охраны выходит прогуляться по стране и узнать, как живет народ. По пути им встречается цыганский табор, который при виде падишаха и его подданных начинает исполнять свои танцы и песни.

Среди них падишах замечает девушку необычайной красоты. Когда настает время возвращаться во дворец, падишах говорит своему визирю:

- Пойди, купи для меня ту цыганку и приведи ко мне.

Визирь в удивлении отвечает:

- О мой падишах, она цыганка, а ты падишах! Не подобает тебе такое! Из нее не получится хорошей жены. Даже если окунуть ее с головой в чан, полный золота и серебра, она все равно останется цыганкой.

Падишах гневается на визиря, и тот, видя, что возражать бесполезно, немедленно выполняет его приказ.

Проходит некоторое время, и в одном из красивейших садов владений падишаха для его молодой жены строится новый роскошный дворец, куда она переходит жить.

Довольно долгое время падишах занят государственными делами, но однажды вспоминает про свою жену-цыганку. Он облачается в одежду дервиша и направляется к ее дворцу. Подойдя поближе, он замечает, как все окна и двери дворца занавешены черной тканью и плотно закрыты. Стоя у порога, он хочет войти, как в тот момент до него доносится какой-то стук. Падишах тихонько заходит и старается, чтобы его никто не заметил. Видит – его жена, повязав голову черным платком и укутавшись черным покрывалом, с маленькой тросточкой в руках ходит по дворцу, останавливается у каждой двери, стучится в нее и тонким голосом говорит: «Где моя доля? Отдай мне мою долю!»

Падишах, увидев это, молча возвращается к себе и тотчас же вызывает к себе визиря.

- Поторапливайся, визирь, ты должен избавить меня от этой цыганки. Откуда ты ее взял, туда ее и верни. Пусть живет в своем таборе, только постарайся, чтобы тебя никто не видел.

Визирь исполняет приказ падишаха и после содеянного погружается в невеселые мысли. Потом качает головой и говорит:

- У кого в роду что есть, рано или поздно, но дает о себе знать. В какие ни облачай его одежды, осел останется ослом. Хоть рви его на части, хоть топи, все равно его выдаст ослиный рев.

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

(История пятая)

Муса Калимлулла как всегда собирается на гору Синин. Еще до захода солнца ему по пути встречается небольшая деревня. На ее окраине он замечает человека, который стоит, положив руки на пояс, и смотрит на пшеничное поле за его домом. Муса Калимлулла подходит к тому человеку и здоровается с ним.

Время созревания колосьев. Порывы ветра волнуют ниву, вызывая полусердитые волны. Зрелище довольно красивое, и Муса Калимлулла невольно любит его и вдруг замечает два высоких колоска. Когда ветер соприкасает их головами, они гордо переговариваются. Один колосок говорит:

- Я олицетворяю собой сына падишаха с Севера.

Другой колосок говорит:

- А я олицетворяю собой дочь падишаха с Юга. Сын падишаха с Севера и дочь падишаха с Юга придут сюда. Они встретятся, съедят нас и поженятся. Потому что так им предназначено судьбой.

У Мусы Калимлулла, который слышит этот разговор, невольно вырывается смех. Хозяин поля обиженно обращается к нему:

- И это вместо поздравления и добрых пожеланий, божий человек? Ты что, насмехаешься над моим урожаем?

Муса Калимлулла показывает ему на те два высоких колоска, рассказывает ему об их разговоре и добавляет:

- Что предначертал для них Всевышний, то и случится. От судьбы не уйдешь.

Хозяин поля презрительно оглядывает Мусу и самодовольно смеется в ответ:

- Я уничтожу это предначертание!

Муса Калимлулла прощается с ним и продолжает свой путь. А хозяин поля спешит домой, достает из сундука две красные ленточки и обратно в поле – обвить каждой из них оба колоска, чтобы во время жатвы не спутать их с другими.

Через несколько дней он растирает в руках оба колоска и отделяет зерна от шелухи, потом заворачивает эти зерна в тряпочку и отдает сверток жене. Наказывает ей спрятать его подальше, чтобы никто не трогал, и когда ему понадобится, тотчас же найти и принести.

Проходят годы, и в ту страну приходит страшный голод. Матери бросают своих детей и бегут прочь. Каждый спасается от голодной смерти как может. Что бы ни посеяли сельчане, ничего не всходит. В один из таких дней хозяин поля с горечью смотрит на свою высохшую и безжизненную ниву, как вдруг замечает, что с севера к нему направляется какой-то путник. Приблизившись, тот здоровается и просит пустить его переночевать. Хозяин

соглашается. Очень скоро вслед за первым путником приходит второй, но уже с южной стороны, и тоже просится переночевать. Хозяин отвечает согласием, и все трое заходят в дом. Пока гости устраиваются, хозяин подзывает к себе жену и спрашивает:

- Есть ли дома хоть какая-нибудь еда, чтобы угостить ею прибывших?

Жена смотрит на него грустными глазами и со вздохом говорит:

- Разве ты не знаешь, что кроме маста, молока и сыра дома больше ничего нет?

Хозяин опускает голову и не знает, что делать. Вдруг он вспоминает, как когда-то передал жене горсточку пшеничных зерен, и говорит ей принести тот самый платок, в который они завернуты. Жена тут же находит и приносит тот самый платок.

- Давай, побыстрее перемели эти зерна нашим ручным жерновом и приготовь мучную похлебку. А утром, Бог милостив, посмотрим, что будем делать дальше.

Женщина быстро готовит мучную похлебку, наливает ее в три тарелки и приносит их к столу. Когда гости произносят фразу «во имя Аллаха», хозяин дома, внезапно что-то вспомнив, растерянно улыбается. Гости, видя это, откладывают свои ложки, но хозяин дома спешит сказать:

- Пожалуйста, угощайтесь, дорогие гости, прошу вас.

Но гости с недоверием смотрят на него и говорят:

- Дядя, что мы такого нехорошего сделали, что ты стал смеяться? Пока ты не скажешь нам о причине своего веселья, мы не станем ничего есть и уйдем из твоего дома.

Хозяин попадает в безвыходное положение. Тут уж хочешь-не хочешь, но все же приходится рассказать им о той истории с колосками и словах незнакомого путника, подслушавшего тот странный разговор. Гости, выслушав его, начинают громко хохотать и не могут усидеть на месте. Оба срывают свои шапки, и один из них говорит: «Я сын падишаха с Севера», а другой, вернее, другая (потому что это оказалась девушка), говорит: «Я дочь падишаха с Юга»), и оба просят хозяина привести к ним сельского муллу, чтобы он провел обряд и поженил их. Он, конечно, соглашается и прибавляет:

- Верно говорили наши предки: «От судьбы не уйдешь. У кого что написано на лбу, то и случится»!

ПАДИШАХ И ПАСТУХ

(История шестая)

Жил на свете смелый и работающий человек. Всю свою жизнь он, как и его отец, был пастухом. В их семье царило уважение к слову старшего, его слово было законом, и в то же время это был очень гостеприимный дом.

Однажды падишах вместе с визирем в одеждах дервишей выходят из дворца и бродят по стране. Так они добираются до маленькой деревни и решают, что останутся в первом же доме. Подходят к одному порогу и зовут хозяина дома. К ним выходит женщина средних лет и приветливо говорит:

- Пожалуйста, заходите, дорогие дервиши, наши ворота для вас открыты.

Те заходят, хозяйка устраивает их и говорит:

- Извините, сейчас хозяина нет дома, он пастух и скоро вернется.

Когда подходит время возвращения стада в деревню, женщина встает, проходит в другую комнату,

переодевается в новый наряд и надевает серьги. Потом наполняет таз и кувшин водой, ставит их у порога, а рядом кладет палку. Падишах, видя эти приготовления, удивляется и обращается к женщине:

- Извини, сестра, я хочу кое-что спросить у тебя.

- Спрашивай, брат дервиш, я тебя слушаю, - отвечает она.

- Я все понял, кроме одного: почему ты таз и кувшин с водой поставила у порога, да еще рядом с ними и палку?

Женщина улыбается и отвечает:

- Брат мой, хозяин с раннего утра под солнцем, уставший и, ясное дело, раздраженный. Сейчас он направляется домой, и ему нужно отдохнуть, умыться, совершить намаз. Вдруг что-то не так, он на меня рассердится и захочет меня поколотить... Так зачем ему еще и палку искать? Я уже не говорю о других вещах.

Падишах в изумлении смотрит на женщину и говорит:

- Я обязательно должен с этим человеком побеседовать. Видно, он человек недюжинного ума, раз смог ввести в свой дом такой уклад и установить такой порядок.

Вечером стадо возвращается в деревню, и пастух идет по домам собирать плату с сельчан за тот день. (Раньше было принято, чтобы владельцы коров расплачивались с пастухом хлебом).

Увидев, что муж подходит к дому, женщина выходит к нему и говорит, что дома гости. Пастух заходит, приветливо здоровается с ними и проходит в другую

комнату. Там он переодевается, моет руки и ноги, совершает намаз и выходит к гостям. После того, как справляется об их делах и здоровье, пастух зовет жену и спрашивает:

- А какое угощение ты приготовила для наших гостей?

Та жестами и взглядом дает понять мужу, что не могла ничего приготовить без его разрешения.

Хозяин дома все понимает, улыбается и обращается к прибывшим:

- Дорогие мои гости, скажите, чем бы вы хотели угоститься? Какое вам приготовить блюдо?

Падишах снова удивляется и отвечает:

- Нам бы хотелось поужинать шашлыком из сердца и почек ягненка, который еще сосет молоко матери.

Пастух тут же встает, выходит из дома, режет нескольких ягнят, быстро вынимает сердца и почки, готовит из них шашлык и приносит гостям.

Падишах с удивлением смотрит на визиря. Утром «дервиши» продолжают свое странствие, а пастух идет по своим делам. Вечером гости снова приходят в тот дом и видят, как пастух, вернувшийся с поля, делает все то же самое, что и вчера: умывается, делает намаз и выходит к ним. Так же, как и накануне, он обращается к ним с вопросом:

- Скажите: чего сегодня желает ваше сердце?

- Дай Бог тебе здоровья. Сегодня нам хочется отведать шашлыка из сердца и почек упитанной овцы.

Хозяин дома спешит выйти, режет всех трех своих упитанных овец, делает из их сердец и почек шашлык и

приносит гостям. Падишах снова с удивлением смотрит на визиря...

Утром все трое выходят из дома по своим делам, а вечером «дервиши» снова возвращаются к порогу того дома. Все повторяется в точности, как в те первые два дня, но на этот раз гости уже хотят отведать шашлыка из сердца и почек крупной скотины.

Хозяин дома встает, выходит и направляется к стойлу, где держит своих коров. Падишах идет вслед за ним и, увидев, как тот собирается зарезать корову, которая скоро должна отелиться, удерживает его за руку и говорит:

- Божий человек, я вижу, ты человек гостеприимный, благородный и мудрый. Прошу тебя, сперва выслушай меня, а потом уже режь свою корову. Давай поспорим и увидим, кто из нас окажется прав, а кто нет.

- Говори, я тебя слушаю, - соглашается пастух.

- Ты можешь сказать, какого цвета теленок в утробе этой коровы и кто это – бычок или телка?

- Брат дервиш, - отвечает пастух, - теленок в утробе коровы черного цвета, и это телка, а на лбу пятно.

Падишах ему в ответ:

- Ты прав, теленок черного цвета, но это не телка, а бычок.

И так как каждый из них утверждает обратное, для разрешения спора падишах спрашивает пастуха, сколько стоит эта корова.

- Моя корова стоит десять золотых, - отвечает пастух.

Падишах отсчитывает ему двадцать золотых, и они режут корову. Выясняется, что прав оказался именно пастух. Падишах задумывается и долгое время сидит молча. Как побежденный воин, он со вздохом встает, растерянно смотрит на своего визиря, говорит ему «пошли», и, попрощавшись с пастухом и его женой, оба уходят.

Проходит несколько дней, и однажды пастух, возвращаясь в деревню, видит около своего дома несколько незнакомых вооруженных людей. Ему становится не по себе, у него слабеют ноги, и, медленно подойдя к незнакомцам, он спрашивает, кто они и что им нужно. Те отводят его во дворец, и как только взгляд пастуха падает на падишаха, он сразу же узнает в нем того самого дервиша, который три дня подряд был его гостем. Пастух здоровается со страхом, а падишах, ответив на его приветствие, жестом приказывает ему сесть и говорит:

- Божий человек, посмотри на меня внимательно.

Пастух отвечает:

- Процветания твоим дням, о падишах. Неужели я не могу узнать моего гостя?

Падишах улыбается:

- Ну, если так, то тогда выслушай меня внимательно. Ты человек умный и благородный. Давай я сделаю тебя своим визирем, и жить ты будешь совсем по-другому. Мне как раз нужны такие люди, как ты.

Пастух некоторое время молча смотрит на падишаха, думает и говорит:

- Прости, падишах, но я не могу стать твоим визирем. Должность – вещь непостоянная. Сегодня она на

моей шее, а завтра – на другой. Не забывай, что ты родился на курдюке барана, и Бог дал тебе в руки нож – сколько хочешь, столько от него и отрезаешь. А я родился на рогах барана и целый день вынужден ими работать, чтобы добыть себе хотя бы маленькие крохи. Мир для тебя – это бараний курдюк, а для меня – его рога.

Падишах поражается ответу пастуха и дарит ему дорогой подарок. А потом поручает своим людям проводить пастуха и доставить его домой в целости и сохранности.

ДЛЯ ДЕТЕЙ

СКАЗКА ПРО ГЮЛ И ГЮЛЬЧИН

Жили-были два голубя с красивым пестрым оперением. Голубя звали Гюл, а голубку – Гюльчин. Они так любили друг друга, что ни денечка не могли прожить в разлуке, и казалось, что весь этот мир создан только для них двоих. Каждое утро один звал другого, и оба отправлялись на поиски корма для своих птенцов. Они летали по полям, по лесам, по степям, и так в день несколько раз, пока не наступал вечер.

Так повторялось изо дня в день. Птенцы росли, крепили, а оба голубка от восхода до заката проводили в этих хлопотах.

Однажды утром Гюл ждал Гюльчин, но ее все не было и не было. И тогда он спешно летит к ней и видит, что она болеет, и у нее жар. Лежит, бедная, и стонет. Гюл суетится, набирает в клюв холодной воды и поливает ею пылающую голову Гюльчин. Он растирает ее спинку и

лапки, и через некоторое время Гюльчин становится легче. Она обнимает Гюла и говорит:

- Валла, ты и правда хороший и преданный товарищ. Поэтому и люблю тебя очень. Я никогда не забуду твою заботу! Ведь не зря говорили наши предки: «Честная и чистая дружба видна в тяжелый день», - и склоняет перед ним свою голову.

И снова наступают дни и привычные хлопоты для обоих голубей: поиски корма для птенцов, а к вечеру возвращение домой с клювами, полными добычи. Сытые и довольные, птенчики засыпают сладким сном.

*Ах, моя хорошая, родная,
К мамочке своей ты подойди,
Она тебя сладко поцелует,
А потом уж ты засни и спи.
А как только сладко поцелует,
И она заснет и отдохнет.
Спи, моя родная, спи, а завтра
Снова новый день для нас придет.*

2012

ПОЭЗИЯ

В ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Поэма

*Благодарю тебя, казахский брат,
За доброту твою, гостеприимство.
И в бедности ты был душой богат,
Ценя превыше дружбу и единство.*

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Холодный ветер с гор подул

Год 1926-ой

Ах, в этой жизни непростой
Не скажешь времени «Постой!»
Ушел от нас двадцатый век,
Растаял, как вчерашний снег.
... Но возвращает память нас
В тяжелый день, в суровый час,

В трагичный год двадцать шестой¹,
Что роковою стал чертой:
Лишились мы родной земли,
И только память берегли,
А новым домом стал для нас
Седой Кавказ.
Здесь мы построили очаг,
И он от ветра не зачах,
Здесь наши дети родились,
Мечты, чаянья сбылись.
Как к дому горная тропа,
Здесь пролегла моя судьба.
Пусть кто-то горя здесь хлебнул,
Но кто-то счастья зачерпнул,
Трудясь, не покладая рук,
И каждый был соседу друг,
Все люди братья были мне,
В большой стране.

Год 1937-ой

Не так уж много лет прошло,
Но вновь насилие и зло
Постигло бедный народ,
Едва окрепший от невзгод,
Народ, что в счастье верить стал,
Что от гонений так устал...

¹ В 1926 году после подавления турецкими войсками национально-освободительного восстания Шейха Саида (на территории Северного Курдистана) более 4 тысяч курдских семей бежали на Кавказ.

«Отец народов» был жесток,
Ему сказать никто не мог,
Что люди – это не трава:
Из горя вырвавшись едва,
Народ надежду обретал.
Но час настал...

Был четко выполнен приказ,
И содрогнулся весь Кавказ,
Когда без видимых причин
Сгоняли женщин и мужчин
И выселяли стариков
Из обветшалых их домов...
- Зачем? И кто здесь виноват?
- И кто прислал сюда солдат?
- Кто отдал им такой приказ?
- За что, куда уводят нас?
В ответ солдат на них навел
Винтовки ствол.

... Аулы таяли в пыли:
Крестьян изгнали с той земли,
Где огороды и сады
Благословляли их труды,
Где зрел неснятый виноград,
Где летней ночью звездопад,
Шатер подлунный освещал,
Влюбленным счастье обещал,
Где каждый камень был знаком,
Как слово «Родина» и «дом»,

Где одинокий минарет
Хранил от бед.

Пожитки жалкие влача,
Курдянки, плача и крича,
От неожиданных смертей
Под юбки прятали детей.
Мужчины, стиснув зубы, шли:
Что объяснить они могли?
Но догадались старики:
Что судьбы будут нележки,
Раз их заставили спешить...
Но – надо ехать, значит – жить.
Молитвам их внимал Аллах
На небесах.

Пусты аулы: вой собак,
В разбитых окнах – хлад и мрак,
И даже речка не поет –
Она на камни слезы льет.
Застыли стрелки на часах,
Застыли тучи в небесах.
Умолкли птицы, и с небес
Свет солнца ясного исчез,
А гордый символ гор – орел
В ущелье смерть свою обрел:
Прощаясь, в небе он завис
И – камнем вниз.

На обескровленный аул
Холодный ветер с гор подул,
И только к ночи он затих
В домах разграбленных, пустых,
А утром вновь, как горя стон,
Он зазвучал со всех сторон.
С листвой простились тополя,
Оделась в траур вся земля.
На обезлюдевших полях
Сиротский хлеб несжатый чах,
Как саван, снег его накрыл
И погубил.

Два рельса, словно две змеи,
По нашей жизни пролегли,
И на восток товарняком
Путем, что не был нам знаком,
Народ, что скошен как трава,
Перевозился, жив едва.
Втоптали в души гнев и страх:
Народ мой таял на глазах,
Останки близких и родных –
Во рвах, на станциях чужих.
В степи, где спутаны пути,
Их не найти.

Ноябрь. Степные холода.
Остановились поезда
На дальней станции в снегах

Нам ждали неизвестность, страх,
Отчаянье, и вновь конвой,
И юрты кров над головой.
... Хозяйка скромного жилья
Сказала: «Вот моя семья.
Нас – 8 душ, и трое вас,
Пусть будет трудно нам сейчас,
Но проживем. Работа есть,
Найдем где лечь, найдем, где сесть.
Похоже, здесь вы насовсем.
Салем!»

Казахский стал для нас родным –
На нем мы ныне говорим,
Но и тогда, в суровый час,
Без перевода стал для нас
Струей живительной воды
Язык сердечной теплоты,
Ведь доброта – сильнее слов:
Когда пустили вас под кров,
Когда прижали вас к груди,
То шанырак – для всех один.
Язык души понятен всем:
Салем!

**Брат-казах! Твое имя в историю
Золотом я запишу.
Образ твой с благодарностью
В сердце своем я ношу.**

ВТОРАЯ ГЛАВА

Под флагом неба голубым

Ах, в этой жизни непростой
Не скажешь времени «Постой!»
Прошли года, и вот я сед,
И внуки говорят мне «дед»!
Пусть Казахстан им дом родной,
Я расскажу: какой ценой
Достались мир, и хлеб, и кров,
За что лилась людская кровь,
Кому нужна была война –
Да будет проклята она;
Что в этом мире Дружба есть,
Любовь и Честь!

Как трудно гордость умирять,
Как тяжело друзей терять,
Как страшно горе горевать,
Как трудно души врачевать.
Уверен: внуки знать должны
Историю родной страны,
За что Отечеством зовем
Страну, в которой мы живем,
И почему непобедим
Народ тогда, когда един.
Для жизни и для счастья дан
Нам Казахстан!

Ты, Казахстан, нам дверь открыл
И наши раны залечил,
Ты равные права нам дал
И сыном каждого назвал,
Сказав: в стране моей большой
Скиталец бывший – не чужой.
Живите в городе, в селе,
Как на родной своей земле.
Чтоб не страшна была зима,
Постройте крепкие дома.
Излечит от душевных ран
Вас Казахстан!

Не пряча изможденных лиц,
Как стая перелетных птиц,
Мы на твою присели грудь,
Чтоб от несчастий отдохнуть.
Нам степь холодная дала
Комфорт душевного тепла,
Мы свили гнезда –
Здесь наш дом.
На доброту твою трудом
Ответил мой народ, и вот
В семье единой он живет.
Для дружбы и единства дан
Нам Казахстан!

Ты силу и терпенье дал,
С колен униженных поднял,
Ты от несчастий и невзгод

Избавил бедный наш народ,
Своею братскою рукой
Вернул нам радость и покой,
В сердцах надежду поселил,
От горя, страха исцелил.
В глаза несчастных заглянул
И нам достоинство вернул,
Своим дыханьем отогрел,
Ты все сумел!

И пусть судьба трудна была,
Но жизнь опять свое брала:
Увидел свет и первый звук
Пролепетал мой первый внук.
И даже я в мои года
Бываю счастлив иногда:
Вниманьем женским дорожу
И грудью полною дышу!
Сентябрь! И вновь, как в первый раз,
Пойду я с внуком в первый класс!
Великий день, счастливый миг:
Он – ученик!

Всему наступит свой черед,
И внук стихи мои прочтет,
Из них узнает: как я жил,
За что страдал, кого любил;
Что жизнь бывает непростой,
Что слово «друг» - не звук пустой,
Бывает дружбе – жизнь цена,

А жизнь у нас всего одна,
Второй прожить не суждено,
И многое предreshено...

Казахский брат, ты стал щитом,
Ты нас впустил в своей щедрый дом,
От горькой уберег судьбы.
Ты нам сказал: Вы – не рабы,
Не пасынки, не должники,
И мне – друзья, а не враги.
Сегодня вместе мы идем
Демократическим путем,
Наш президент – гарант тому,
И доверяем мы ему!
Нам в буре жизни кормчим дан
Наш Нурсултан!

Когда ведет судьбы звезда?
Мы строим общество труда!
Нет рая там, за рубежом.
Мы в сказку превратим свой дом!
И пусть нам нелегко в пути,
Но вместе весело идти!
Сто языком моей страны,
Как песни радостной весны:
Под флагом неба голубым
Мечту в реальность воплотим!
Я верю, что для счастья дан
Нам Казахстан!

*Надиру Каримовичу Надирову,
первому курдскому казахстанскому академику,
великому сыну курдского народа¹*

О матери твоей скорбя,
Скажу: земля ей пухом будет.
Народ ее не позабудет
За то, что родила тебя.

Ты, как Хани, неся прогресс,
Живешь несуетно и мудро,
Трудом возвысив имя курдов,
К ним приумножив интерес.

Ты много так преодолел,
По склону поднимаясь круто:
Таланту следуя, сумел
Не отклониться от маршрута.

Лишенья, бури ты постиг,
Не прячась робко средь утесов,
Для Казахстана ты велик,
Как для России Ломоносов.

¹ В 1937 году многодетная семья Надировых вместе с соплеменниками была депортирована в Казахстан. На руках у матери Каре был маленький Надир – будущее светило мировой науки.

Ты светишь яркою звездой
На небе мировой науки.
Неотразимый образ твой
Пусть повторяют дети, внуки.

Аллах тебя благословит!
Да будет время благосклонно.
Живи в почете и любви,
Ведь море радости – бездонно!

Идешь по жизни, мир любя,
И век – не возраст для тебя,
Когда хранит любовь сама –
Жена и друг твой Халима.
Сто лет – не горизонт! Вперед!
Ты слышишь?! Жизнь тебя зовет!

ДЖАМИЛЯ

Горя тяжкого твой внезапно
окутала дом, Джамиля.
Не повинен никто, кроме рока
бесстрастного в том, Джамиля.
Словно вырвано сердце твое из груди,
Джамиля, и в ночи
Неутешно оно об ушедших из жизни
рыдает, кричит.
Буря двери твои отворила, и град
зашумел за окном.
И беда, что случилась, все кажется тягостным сном.
Невозможно поверить, что близкие
люди ушли навсегда,
Что в отеческий дом не вернутся они
никогда, никогда.
Смерть коварная свой урожай собрала.
Но за что ж, но за что ж
Эту скорбную дань платит жизнью
Своею, увы, молодежь?
Безутешна ты в горе, родная, с тобой
застонала земля...

Пусть любовь моя верная слезы осушит
твои, Джамиля.
Годы раны залечат, и внуки, я верю,
прославят твой род.

Радость в дверь постучит: время
движется только вперед и вперед.
Тяжесть прожитых лет сединою лежит
на висках, Джамиля,
Доброта и любовь, словно солнце, сияют
в глазах, Джамиля.
Ты не плачь, дорогая, пока мои руки
нежны –
Обниму твои плечи, и мы доживем до
весны.
Пусть ноябрь на дворе, и осыпались розы
в саду.
Для тебя, Джамиля, я букет поцелуев
найду.

СЛОВО ПОЭТА

К 100-летию Везире Надири

Скажи, почему мое сердце в груди словно факел горит?
Скажи, почему на глаза навернулась слеза?
Стою на могиле твоей, словно сын, Везире Надири.
Прочесть твое имя на камне без скорби нельзя.
Поверить, увы, невозможно, что ты, искрометен и смел,
Безмерно талантливый, смелый, с высокой душой,
Ушел так безвременно, песни допеть не успел,
Жестоко убитый коварной рукой чужой.
Прекрасные маки улыбкой твоей в горах расцвели,
Чистейший источник бурлит, словно сердце твое.
Ты – сын Курдистана – родной и любимой священной
земли.
Ты верил в свободу, ты жизнь положил за нее.
Ты пел гуманизм, справедливость, ты знал, что большая
любовь
Всегда победит – правоту ее жизнь подтвердит.
Ты верил в людей: за свободу и счастье сражаются вновь.
Сыны Курдистана – их Родина благословит.
Проснись, Везире! Мы стоим на пороге великой мечты:
Америка, Африка, Азия выбрали путь.
Нет, розами он не усыпан: покуда повсюду шипы,
Но цель – демократия. Знаем: с пути не свернуть!
Вставай, Везире! Обрати мудрый взор на Восток.
Заря занимается, новый рождается день,

Поет Гулизар, добивается счастья отважный Надо!
С лица нашей Родины скоро исчезнет тревожная тень!
Твой образ прекрасною птицей над всем Курдистаном
парит.

Ты – в песнях героев, в неистовом сердце моем.
Твой образ нетленный опять вдохновеньем со мной
говорит.

А слово поэта сравнимо бывает с огнем!

О, ДИЛЬБАР...

... Ты оставила мир, но с тобой я встречаюсь во сне...
В эту дивную ночь приходи нежной гостьей ко мне.
Знаешь, жизнь без тебя – бездна горечи и пустоты,
Одинока душа: понимала меня только ты.

В эту летнюю ночь буду имя твое называть,
О, Дильбар! Снова буду глаза твои целовать.
На красавиц других не смотрел и теперь не смотрю...
О, Дильбар! Твое нежное имя опять повторю.

В эту летнюю ночь приходи нежной гостьей ко мне...
Обойдем Курдистан, побываем в родной стороне,
Мы в горах заночуем и сможем в глаза заглянуть
Тем, кто смело воюет, чтоб воздух свободы вдохнуть.

Наши горькие слезы пусть станут бальзамом для ран,
Пусть воскреснут герои, погибшие за Курдистан.
Я у неба прошу, чтоб возмездие пало на тех,
Кто свободу поправ, кто украл нашу радость и смех.

Многочислен народ наш и силою духа велик,
Сколько сложено песен, а сколько написано книг!
Жизнь пока нелегка, но на небо ночное взгляни:
Светят звездами нам Харири и Тайран, и Хани.

Мы целуем могилы поэтов, и мудрость строки
Возвращается в сердце звучанием горной реки.
Та вода, что чиста и землею родной рождена,
Утолить нашу жажду и боль успокоить должна.

... Если жизнь у меня заберет всемогущий Аллах,
Я за счастье сочту умереть в курдистанских горах.
О, Дильбар, суждено ли, не знаю, коварной судьбой
Обрести мне последний приют где-то рядом с тобой...

Лишь придешь ты ко мне в дивном сне – миром правит
любовь:

Мы с тобою в горах собираем охапки цветов,
Пусть могилы героев коврами укроют они...
Имена всех погибших пусть в песнях народ сохранит.

О, Дильбар! Мы с тобою стоим на вершине Агри.
Все, о чем мы мечтали, Аллаху теперь повтори:
Мира жаждет народ Курдистана, пусть ужас войны
Нашу землю покинет, уходит из горной страны.

Если землю родную покинет кровавый кошмар,
Я наполню вселенную музыкой счастья, Дильбар!
Пусть друзья с нами радость разделят в свободной стране,
И тогда, знаю я, умирать не захочется мне,
о, Дильбар!

МОЕМУ КАЗАХСКОМУ БРАТУ

Твое сердце – открытая дверца, улыбка в глазах,
Словно сахар – сладка твоя речь, твое имя – казах.
В сердце курдов записано золотом имя твое, -
С бесприютным народом делил ты свой хлеб и жилье.

Твои предки в истории яркий оставили след.
Знал ты беды и войны, ведь легкой истории нет.
Ради чести своей шел на подвиг и жизнь отдавал.
Был растоптан и снова из пыли и пепла вставал.

Твой Абай, твой Джамбул – как алмазы в короне горят.
Славой Динмухамед, Нурсултан за себя говорят.
Десять лет независим! Пусть будут века, не года.
Пусть земли твоей враг не коснется ногой никогда.

КАЗАХСКИЙ БРАТ

Благодарю тебя, казахский брат,
За доброту твою, за гостеприимство...
И в бедности ты был душой богат,
Цена превыше дружбу и богатство.

... Народ изгнанник, птица без гнезда,
Летел над степью в злую непогоду.
Несчастье привело его сюда,
Но здесь обрел и кров он, и свободу.

Мы, курды, в сердце бережно храним
Традиции своей литературы:
Язык Джзири, Факи, язык Хани
Помог нам сохранить свою культуру.

Я – курд, а ты – казах, но твой язык –
Великого Абая и Джамбула.
Как лучик солнца, в сердце мне проник
Струной домбры и песнями аула.

Язык страны, в которой я живу,
Назвал меня не пасынком, а сыном.
Здесь на казахском, курдском назову
Себя страны свободной гражданином!

Благодарю тебя, казахский брат,
За доброту твою, за гостеприимство...
И в бедности ты был душой богат,
Цена превыше дружбу и богатство.

ДОЧЬ СТЕПЕЙ

(Тамбур любви)

Прекрасна, величава дочь степей,
Загадочна, нежна, как олененок.
Тень от густых ресниц и профиль тонок...
Тамбур любви опять поет о ней.

Хочу к устам ее прильнуть легко,
Как горный ветер, щек ее коснуться,
И с головою в нежность окунуться...
Вкус поцелуя, словно молоко...

Простерлись далеко мои мечты,
Но дочь степей, стройна и черноброва,
Прошла – и не заметила. И снова
Остался у заветной я черты.

Туманят разум родинки ее,
Она – цветок с пьянящим ароматом,
Какие плечи! Грудь – как гранаты!
О ней, тоскуя, мой тамбур поет.

Ты – золото степей, и с давних пор
Найти тебя не просто в мире этом,
Но я – Бари – не зря рожден поэтом:
Тамбур любви вступает в разговор.

Я, как Меджнун, ищу свою Лейли.
Услышь мой голос среди сотен песен!
Мир без тебя безрадостен и тесен,
Хочу, чтобы мы друг друга обрели.

Богатство и года – из рук вода...
Лишь дерево любви плоды подарит.
И сладкие, и горькие – по паре,
Но вместе нам и горе – не беда.

Я – сын высоких курдистанских гор,
Ты – дочь степей – всегда меня манила.
Хочу, чтоб нас любовь соединила.
... Тамбур любви вступает в разговор.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Ты – как родник, что чист, горяч и кипуч.
Завидев фальшь, мрачнее ты черных туч,
А доброта тебе – как солнышка луч.
Ты не спокойно никогда, сердце матери.

... И нет границ благим желаниям твоим...
Беззвучно плачешь ты над горем своим,
Но не услышит тот, кто сам не раним,
Ты – как бальзам для наших ран, сердце матери.

Ты – смелый тигр и благородный олень,
Цветок прекрасный, чьи шири не задень:
Ты сберегаешь нас от бед ночь и день...
Ты – море, бурная река, сердце матери.

И станут дети словно крылья тебе –
Опорой, счастьем в материнской судьбе.
Всю жизнь ведешь ты их по мудрой тропе:
Всегда нам верный даст совет сердце матери.

Ты – словно солнце, что над миром встает,
Что жизнь и душу своим чадам дает!
Ты проводила их в нелегкий полет,
Но на гнездовье вечно ждет сердце матери.

КРАСАВИЦА-КУРДЯНКА

Красавиц видел я немало
В аулах горных, в городах,
Но та, что в сердце мне запала, -
Как роза в утренних садах.

О, взмах ресниц и взгляд парящий,
Бровей стремительный разлет!
Любви огонь животворящий
Растопит даже вечный лед.

Стекают с лебединой шеи
Косички струями дождя...
Тебя коснуться не посмею:
Ты — и невеста, и дитя...

Аллах своим перстом волшебным
Нарисовал твои черты.
Ты для души моей целебна,
Тоску мою излечишь ты.

Факи, Хани тебя воспели —
Была поэтов ты мечтой.
Перед тобой цари робели,
Пленясь дивной красотой.

... И пусть я не был в Курдистане,
Когда красу твою пою –
Земля отцов зовет и манит:
Я вижу Родину свою.

Приди ко мне, моя отрада,
И душу мне омолоди!
Иного счастья мне не надо:
Ты – сердце, что стучит в груди.

Красавиц видел я немало
В аулах горных, в городах,
Но та, что в сердце мне запала, -
Цветет на родине в садах.

ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА

Твои блестящие глаза – не черный виноград:
Жизнь винограда коротка – пустеет быстро сад.
Твои чудесные глаза – не тьма ночных дорог,
Где ждет печаль или беда того, кто одинок.

С горячим горным родником сравнить их не возьмусь:
Сладка бывает в нем вода, но чаще – соль на вкус.
Твои прекрасные глаза – не моря глубина –
Таится буря в бездне вод, обманчива волна...

Я не сравню тебя с Зине – лишь ты в моей душе,
Я не сравню тебя с Айше – обидится Хадже.
Я не сравню твой дивный взор с прекраснейшим цветком:
Поникли Родины цветы под вражьем сапогом.

... Когда рожденья твоего с любовью мать ждала,
Во сне в далекий Курдистан с тобой она ушла.
Вобрали дочери глаза беду родной земли –
Несчастья, горя черный цвет они приобрели.

О, как прекрасен этот взгляд желанных черных глаз!
Такую жаркую любовь я встретил в первый раз!
Не исчезай, моя любовь, прошу, не уходи,
Лишь только ты погасишь страсть, кипящую в груди!

Судьба народа моего печальна и черна,
Я – не приемлю черный цвет, но не моя вина,
Что я влюблен в твои глаза, в гибкий девичий стан...
... Хотел бы я перенестись в свободный Курдистан.

Хотел бы встретиться с тобой я на земле родной
И нежность сердца, нежность рук дарить тебе одной.
Что знак несчастья – черный цвет, забыл бы я тотчас
И поцелуем снял печаль с твоих печальных глаз.

СЛОВО О СЫНЕ

Сын – море, что шумит передо мною,
И озеро душевного покоя,
Источник, что пробиться в скалах смог,
Благоуханный сказочный цветок.

Всю жизнь я землю украшал садами,
Сын – дерево с обильными плодами,
Когда же я их пробовать берусь,
Бывает сладок либо горек вкус.

И пусть венчают голову седины,
Я вдохновляюсь молодостью сына.
Меня волнует жизни новизна:
Сын для меня – и лето, и весна.

Сын для меня – надежда, утешенье,
Свет глаз моих и дел моих свершение,
И крылья за спиной, и сила рук,
Бальзам, что победит любой недуг.

Мне было тридцать – я лишился сына.
Печаль моя была неутолима.
От горя в сердце лопнула струна,
И музыку сменила тишина.

О, боль ребенка, нет тебя больнее.
О, смерть ребенка, нет тебя страшнее.
От горя, безысходности, тоски
Покрылись серебром мои виски.

Когда бушуют войны на планете,
То больше всех от них страдают дети.
Я слышу взрывы, горячий плач сирот,
Я вижу, как страдает мой народ.

И к мудрости отцов взываю снова:
Услышьте поэтическое слово!
Пронзительна, стремительна, легка,
Найдет пути к сердцам моя строка.

... Чтоб дождь небесный не пролился кровью,
Наполните свои сердца любовью!
... Когда же гибнут дети и юнцы,
За это мы ответственны – отцы.

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ
БАРИЕ БАЛА
И ЕГО СЕМЬЕ**

Марина Стукалина

НЕ ГРУСТИ

Поэту Барие Бала

Не печалься, Бари, не грусти:
Все проходит – и радость, и горе,
И поэзии чистое море
Поглощает земные пути.

Это море не знает границ,
Это море не знает пиратства:
Здесь поэтов великое братство
Маяками негаснущих лиц.

Там, на дне опрокинутых лет,
Города, что в стихах мы воспели.
...Не размыты водой акварели –
Лишь художников в памяти нет.

Снова солнце на Запад ушло,
Утонуло в багряном потоке,
Чтобы утром взойти на Востоке,
Расплескав золотое тепло.

И опять я блокнот просушу,
И лучом, что заточен так остро,
Нарисую таинственный остров
Под прибое неистовый шум.

Не печалься, Бари, не грусти.
Нарисуй себе парусник новый
Иль нетонущий плот тростниковый,
Чтобы снова себя обрести.

Поэту Барие Бала

... Одна из книг моих последних...
«Курды. Малая энциклопедия».

О, друг мой Барие Бала!
Одна из книг моих последних –
Итог трудов десятилетних –
На стол твой письменный легла.

Как много видел мой народ
Несчастий, боли и печали,
Что в песнях и стихах звучали
Из века в век, из года в год.

Народ – скиталец и изгой,
Народ, разбросанный по миру,
Сберег достоинство и лиру,
Наверно, как никто другой.

Забыли мы уже давно,
Что мир огромен и чудесен:
Для нас он стал жесток и тесен
И в душах горько и темно.

Мы чем обычаи друзей,
Мы чем их праздники и даты,
Как отмечали мы когда-то
Свои – на Родине своей.

Но, память предков воскресив,
В родные всматриваясь лица,
Собрал я жемчуга традиций,
Их в этой книге разместив.

Я тем горжусь, что мой народ,
Песком рассыпанный по свету,
Лишенный суверенитета,
Народ, страдавший от невзгод,

В саду искусства посадил
Шедевры музыки и слова,
И, обретая силу снова,
Свой дух свободы возродил.

О, друг мой Барие Бала!
Одна из книг моих последних –
Итог трудов десятилетних –
На стол твой письменный легла.

Касымова Гульназ Амирхановна

ПОЗДРАВЛЕНИЕ СЕМЬЕ БАРИЕ БАЛА

Свершилось, курды, братья-мусульмане!
Вот две души взошли на верный путь.
Они обычай чтут, теперь в Коране
Смысл жизни, святость веры обретут.
Два сына вы, два отрока любимых,
Ваш папа Алик, мама Гюльнара,
Сдержать восторг своей души не в силах,
Быть мусульманином настала вам пора.
Ваш дед Барие Бала и горд, и светел,
Глядит на вас с улыбкой мудреца,
Еще двух чад Аллах приветил,
А жизнь с Аллахом – радость без конца.
Достойный крив Нурхан-бей, все эти годы
Ты был наперсником, ты другом был семьи,
Прими ж благословенные заботы,
Отцовством новым сердце напои.
Нурхан, Кадыр сегодня возмужали,
Но ум их зыбок, разыгрывают кровь,
Чтоб в жизнь свою пороки не списали,
Нужны им и опека, и любовь.
Храни их чистоту, духовность, веру,
Культурой курдской души напитай,
Будь вместе с Аликом для них во всем примером,
Скатиться по наклонной им не дай.
Хочу закончить словом из Корана:
«Аллах всегда и всюду и во всем».
Пусть люди в жизнь вам не наносят раны,
Да будет счастливый курдский дом.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе и его творчестве (Н.Сардарян).....3

ПОВЕСТИ

Я и одинокий голубь	10
Мамочка Вардак и черный камень	17

ВОСПОМИНАНИЯ

Сейда Шамил	33
Воспоминания о Вазире Надри	62
Добро не забывается	67
По чьей «вине» я стал поэтом	73

ДРАМАТУРГИЯ

Сейран	78
--------------	----

ШЕСТЬ ИСТОРИЙ

Отважная девушка.....	114
Падишах прощает воров	123
Дом Божий строился на терпении	129
Падишах и цыганка	138
От судьбы не уйдешь	140
Падишах и пастух.....	144

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Сказка про Гюл и Гюльчин	151
--------------------------------	-----

ПОЭЗИЯ

В трудные годы (поэма).....	154
Надиру Каримовичу Надинову	164
Джамиля	166
Слово поэта	168
О, Дильбар.....	170
Моему казахскому брату	172
Казахский брат.....	173
Дочь степей	175
Сердце матери.....	177
Красавица-курдянка	178
Черные глаза	180
Слово о сыне	182

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ БАРИЕ БАЛА И ЕГО СЕМЬЕ

Не грусти (М.Стукалина).....	185
Одна из книг моих последних... (К.Мирзоев).....	187
Поздравление семье Барие Бала (Г.Касымова)	189

БАРИЕ БАЛА Я И ОДИНОКИЙ ГОЛУБЬ

*(Повести, воспоминания, пьеса, образцы курдского
фольклора, стихотворения)*

Перевод с курдского

ԲԱՐԻԵ ԲԱԼԱ ԵՍ ԵՎ ՄԻԱՅՆԱԿ ԱՂԱՎՆԻՆ

*Վիպակներ, հուշեր, պիես, քրդական բանահյուսության
նմուշներ, բանաստեղծություններ
(ռուսերեն)*

Формат 60x84, 1/16. Объем 12 п.л.

Бумага офсетная: Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО "ВМВ-ПРИНТ"
г.Ереван, ул. Азатулян 24/11, тел. (+374 10)28 54 28
E-mail: vmv_print@yahoo.com
www.vmv-print.am

О СПОНСОРЕ

Айлазе Махмад с сыном Гасане Айлазом

однако в последующем жизнь складывается так, что он переезжает в Казахстан, в город Алма-Ату, где и живет в настоящее время. Сейчас Айлазе Махмад преуспевающий бизнесмен и отец 4 детей – одного сына и трех дочерей. Среди местной курдской общины он известен как честный и порядочный человек, который всегда готов прийти на выручку всем нуждающимся в помощи, независимо от их национальности, за что в народе его уважают и ценят.

Айлазе Махмад готовит достойную себе смену. Его сын Гасане Айлаз воспитан в подлинно национальном духе. Закончив в 2009 году среднюю школу в Алма-Ате, он в том же году поступает в Казахский национальный технический университет им. К.И. Сатпаева. В данное время Гасан как один из лучших студентов учится там же на гранте в магистратуре. Кроме учебы Гасан также активно помогает отцу в бизнесе, и Айлазе Махмад возлагает на сына большие надежды.

PDF:

Enstîtuya Kurdî ya Qefqasyayê

Web:

<https://www.ensiklopediyakurdi.com/>

Tel.:

+7 918 073 48 79

